А. Д. Кошелев

Статьи 2005 года

2005. **К проблеме лексической многозначности. Описание общего значения глагола *брать* / *взять*** // Язык. Личность. Текст: К 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 315—365.

Согласно Словарю Ушакова, глагол *брать* имеет 18 частных значений, и кроме того более двух десятков фразеологизмов. В статье предъявлено описание общего значения глагола *брать* в виде простой когнитивной схемы (модели), задающей класс референтных ситуаций всех корректных высказываний с глаголом *брать*, выражающим действие: *брать книгу* / *отгул* / *курс* (*на Бомбей*) и др. Показано, что глагол *брать*, подобно, скажем, существительным *дерево* или *река*, имеет вполне самостоятельное, не зависящее от контекста значение — указанную схему. Если свойства ситуации действительности отвечают этой схеме, употребление глагола *брать* в высказывании семантически правильно, а если нет, то неправильно.

Суть действия «взять Y» (когнитивную схему референтной ситуации) коротко можно описать так:

X берет / *взял Y* — деятель X, благодаря целенаправленному действию A, 1) начинает контролировать объект Y, принадлежавший другому деятелю (или обществу) Z и прежде недоступный X-у, вследствие чего 2) получает непосредственную возможность использовать Y в своих целях 3) за счет возможностей Z-а.

Если, к примеру, объект Y — интервал времени, как во фразе *Сержант взял увольнительную* [у комбата], то схема (1) конкретизируется так: в референтной ситуации этой фразы сержант (X) получает от комбата (Z) разрешение на временное отсутствие на службе — увольнительную (Y). Тем самым X получает контроль над временем Y (никто не может теперь приказывать ему что-то делать в это время), благодаря чему он обретает возможность использовать время увольнительной для своих личных нужд. При этом комбат лишается возможности использовать это время сержанта в служебных целях.

А. Д. Кошелев (*Москва*)

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ
Описание общего значения глагола *брать* / *взять*

0. Введение

Идея инварианта

0. Одна из главных проблем, стоящих перед лексикографом при описании отдельных (частных) значений многозначного слова, связана с эксплицитным представлением семантических связей между этими значениями. Без таких связей слово утрачивает интуитивно ощущаемое семантическое единство и, фактически, распадается на омонимы.

В настоящее время известно несколько конкурирующих подходов, объясняющих взаимосвязи частных значений слова. Одни исследователи считают, что эти значения связаны общими семантическими элементами («семантическими мостами»), которые должны явным образом присутствовать в их толкованиях, другие стремятся показать, что каждое значение (кроме одного исходного) — результат семантической деривации некоторого предшествующего значения, третьи видят объединяющую семантическую роль в прототипическом значении, и, наконец, четвертые полагают, что семантическое родство значениям слова обеспечивает их лексический инвариант — общее значение слова, из которого выводятся варианты — более конкретные, частные значения.

1. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что, в отличие от других перечисленных подходов, идея инварианта уже давно утратила привлекательность (см., например, [Падучева 2004: 148—149]). Само собой сложилось мнение, что лексических инвариантов не существует и поэтому попытки найти общее значение слова обречены на провал. Следует признать, что это мнение не беспочвенно и базируется на весомом, хотя и сугубо практическом основании: до сих пор, несмотря на многократные и разнообразные попытки, не предложено ни одного бесспорного лексического инварианта*.

---

* Впрочем, если считать слово *брак* (‘сожительство супругов’) многозначным, то его определение, данное Т. М. Николаевой в начале 60-х годов прошлого века, безусловно,

Одна из целей статьи — вновь привлечь внимание к идее инварианта и продемонстрировать ее плодотворность, пусть и в несколько иной, неклассической редакции.

Основной тезис статьи

0. Человек обладает способностью семантически правильно употреблять слова, т. е. в полном согласии с другими носителями языка определять, можно или нельзя описать данную ситуацию действительности тем или иным словом. Например, носитель русского языка с легкостью и без всяких сомнений укажет, что в следующих парах первые фразы корректны, а вторые — нет: *Мальчик* ***взял*** *яблоко из корзины* — **Мальчик* ***взял*** *яблоко с дерева* (нужно: *сорвал*), *Маша* ***взяла*** *записку со стола* — **Маша* ***взяла*** *записку с пола* (нужно: *подняла*), *Собака* ***взяла*** *след волка* — **Охотник* ***взял*** *след волка* (нужно: *обнаружил*).

Попытка объяснить эту способность соображениями общего характера, типа: ребенок, обучаясь языку, запоминает правильные употребления слова, а затем строит аналогичные цепочки — при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельной. Так, в приведенных парах вторые фразы вполне аналогичны первым. Ссылка на то, что, срывая яблоко или поднимая записку с пола, человек затрачивает больше усилий, чем когда берет яблоко из корзины или записку со стола, неубедительна. Ведь в ситуациях, описываемых корректными фразами *X взял огромную книгу с верхней полки* / *тяжелый чемодан*, X затрачивает еще больше усилий.

Надеяться на то, что требуемое различение употреблений можно получить при описании частных значений, также не приходится, если принять во внимание диффузную природу последних, их неспособность охватить множество «промежуточных» употреблений. Весьма проблематична и фиксация этого различения в форме «несвободных сочетаний». Например, при лексеме *след* нужно будет не только указывать возможность сочетания *взять след*, но и давать уточнения типа: *собака взяла след* — допустимо, а *охотник взял след* — нет.

Не видно, как здесь могут помочь и «семантические мосты», правила семантической деривации значений или прототипы. В то же время при поиске общего значения слова такая надежда сохраняется, поскольку можно думать, что корректность / некорректность употребления глагола обусловлена соотносимостью / несоотносимостью его значения с данной (референтной) ситуацией и каждый раз заново «вычисляется» говорящим на основе энциклопедических знаний об этой ситуации.

Ввиду необычайного разнообразия употреблений глагола *брать* (*брать отпуск*, *брать преступника*, *брать высоту*, *брать след*, *брать* [кого-л.] *на прицел* и т. д.) может показаться, что эта надежда призрачна. Однако интуиция нам подсказывает, что все употребления имеют нечто общее и не являются омонимичными.

является общепризнанным инвариантом. Подробнее о нем см. в статье В. А. Успенского «Татьяна Михайловна Николаева как собеседник» в настоящем сборнике.

1. Основная цель статьи заключается в предъявлении описания общего значения глагола *брать*. Это значение имеет вид простой функциональной схемы (модели), задающей класс референтных ситуаций всех корректных высказываний с глаголом *брать*: *Иван берет у Маши книгу*, *Маша берет отгул*, *Корабль берет курс* и др. По существу, мы стремились показать, что глагол *брать*, подобно, скажем, существительным *дерево* или *стул*, имеет вполне самостоятельное, не зависящее от контекста значение — указанную схему. Если ситуация действительности отвечает этой схеме, употребление глагола *брать* в высказывании семантически правильно, а если нет, то неправильно.

Этот тезис и объяснительные возможности предложенной схемы иллюстрируются на большом числе разнообразных примеров. В частности, показано, что референтные ситуации первых фраз в приведенных трех парах примеров ей соответствуют, а референтные ситуации вторых фраз — не соответствуют, чем и объясняется их некорректность (см. п. 2.1, 6.5 и 10.3).

Принимая во внимание независимость от фразового контекста общего значения глагола *брать*, вполне правомерно говорить о его референтах (референтных ситуациях), а также о том, что данный глагол задает самостоятельную языковую категорию — замкнутый класс референтов — ситуаций действительности, соответствующих его значению (схеме).

2. Согласно статье Словаря Ушакова, глагол *брать* имеет 18 частных значений, не считая более двух десятков фразеологизмов.

Главным предметом нашего внимания будет общее значение актуального действия глагола: *брать карандаш*, *брать приятеля в поход*, *брать пациента на операцию*, *брать город*. Условимся обозначать его *брать* I (римскими цифрами мы помечаем общие значения, а арабскими, как обычно, частные значения). Оно охватывает 12 частных значений из 18: *брать* 1 (‘захватывать рукой’; *брать палку*), *брать* 2 — (‘уносить’; *брать работу домой*), *брать* 3 — (‘принимать’; *брать задание*) и др.

Оставшиеся 6 из 18 значений выражают уже не ‘актуальное действие’, а ‘свойство’: *брать* 9 (*И страх их не берет*), *брать* 10 (*Она берет красотой*), *брать* 11 (*Громоздкая мебель берет слишком много места*) и др. Они — продукт аспектуально-временны́х модификаций глагола и не образуют нового лексического значения. Поэтому далее мы их не рассматриваем.

Изучая значение актуального действия *брать* I, мы будем рассматривать и близкое ему общее значение *взять* I глагола *взять*. Этот глагол не всегда является коррелятом глагола *брать*, ср., невозможность мены глаголов во фразах *А он взял и сказал* (**берет и говорит* — неупотребимо в значении актуального действия), *Откуда ты это взял* (**берешь*). Поскольку эти употребления представляют другое общее значение — *взять* II (оно кратко рассмотрено в Приложении, п. 12), исключим их пока из рассмотрения и сосредоточим внимание на значении *взять* I, допускающем свободную мену на глагол *брать*. Будем считать, что лексически общие

значения *брать* и *взять* I синонимичны. Поскольку далее, вплоть до Приложения, мы будем изучать только значение *взять* I, цифра при глаголе будет опускаться.

Структура статьи

В пункте 1 дано первичное описание общего значения (концепта) глагола *брать* / *взять Y* и разобраны поясняющие его примеры, в пункте 2 проведен анализ референтной ситуации глагола и введены исходные концепты — элементарные свойства действительности, посредством которых в пункте 3 формулируется полное описание концепта. Здесь же дано сопоставление излагаемой точки зрения с концепцией, развиваемой в работах Московской семантической школы, и приведено описание западноевропейских «аналогов» глагола *брать* — английского *to take* и французского *prendre*.

Пункты 4—8 посвящены рассмотрению конкретизаций концепта и его элементов для различных типов объекта Y: предмета, человека, места, времени, процесса, состояния и интеллектуального продукта. В пунктах 9 и 10 анализируются соответственно метафорические и некорректные употребления, в пункте 11 иллюстрируется обобщающая роль концепта при описании частных значений и, наконец, в пункте 12 (Приложении) дается дефиниция второго лексического концепта *взять* II глагола *взять*.

1. Первичное описание концепта глагола *брать* / *взять*

1.0. Концепт глагола *взять* будет представлен в форме: «*X взял Y* — дескрипция», в которой **правая часть** (дескрипция) **терминологически определяет референтную ситуацию высказывания**, стоящего в левой части, т. е. характеризует такую ситуацию действительности (и только ее), которую можно корректно описать (закодировать) этим высказыванием.

Таким образом, правая часть вовсе не является толкованием левой части, или ее синонимической перифразой. Она обращена непосредственно к ситуации действительности и призвана, насколько возможно, точно ее определить. Входящие в нее слова и выражения используются не в их естественно-языковых значениях, а как термины, обозначающие те или иные общие свойства референтной ситуации. Они будут подробно определены в п. 2, а здесь мы лишь кратко их поясним, чтобы иметь возможность сначала проиллюстрировать формулировку концепта на примерах.

Суть референтного действия «взять Y» коротко можно сформулировать так:

(1) *X берет* / *взял Y* — Деятель X, благодаря целенаправленному действию A, 1) начинает контролировать объект Y, принадлежавший другому деятелю (или обществу) Z и прежде недоступный X-у, вследствие чего 2) получает непосредственную возможность использовать Y в своих целях 3) за счет возможностей Z-а.

Дескрипция задает референтную ситуацию, состоящую из трех обязательных участников: деятелей X-а и Z-а и объекта Y. Их связывают определенные отношения, которые при осуществлении X-ом действия «взять» меняются.

Центральным понятием концепта (1) является понятие контроля деятеля X над объектом Y. Выражение «**X контролирует Y**» обозначает следующее: деятель X **ограничивает свободу использования объекта** Y другими деятелями и/или расширяет свою свободу использования Y-а. Короче говоря, X в большей или меньшей степени навязывает свою волю в использовании Y-а. Далее это понятие будет по-разному конкретизироваться в зависимости от типа объекта Y (предмет, место и пр.), к которому оно применяется.

Выражение «**объект Y принадлежит деятелю Z**» означает, что в референтной ситуации деятель Z связан с объектом Y каким-то индивидуальным, персональным отношением. Это отношение может быть как объективным, общезначимым (жена или дача Z-а, написанная им книга — о них можно сказать Z *имеет жену* / *дачу* / *книгу*), так и субъективным, не общезначимым, ситуационным (одолженная у сотрудника ручка, которой Z сейчас пользуется, лежащая у него на столе чужая книга — о них можно сказать *ручка* / *книга Z-а*).

Выражение «**X получает** непосредственную **возможность использовать** прежде недоступный Y в своих целях» означает, что X ранее не мог, а теперь может без помех взаимодействовать с объектом Y в своих целях.

Наконец, выражение «**за счет возможностей Z-а**» означает, что Z не может использовать в своих целях объект Y и его ресурс, который получил от него X.

1.1. Проиллюстрируем концепт (1) несколькими примерами, в которых именная группа *Y* обозначает предмет, место, интервал времени и действие.

Объект Y — перемещаемый предмет.

1.1) *Иван взял книгу в библиотеке* / *у Маши*.

Иван (X) осуществил действия A — заказал книгу (Y) в библиотеке (Z), или попросил ее у Маши, — благодаря которым начал **контролировать книгу**: книга теперь не выдается другим читателям, и X получил **возможность** непосредственно использовать ее, **лишив этой возможности** библиотеку или Машу. Предположим, Иван заказал в библиотеке книгу, и она пришла на его библиотечный номер (его место на библиотечной полке). В этой ситуации можно сказать *Иван взял книгу*, если Иван может в любой момент получить ее со своего номера. Однако, если по библиотечным правилам книга, находясь на номере читателя, остается в общем доступе и выдается по заказам другим читателям, фраза становится некорректной, поскольку Иван **не контролирует** ее выдачу и поэтому не имеет возможности непосредственно ею пользоваться.

Объект Y — место.

1.2) *Иван взял купейное место.*

Иван осуществил действие А (купил билет), благодаря которому **начал контролировать доступ** к этому ранее недоступному для него месту, т. е. получил возможность им воспользоваться и лишил этой возможности других. В частности, владелец Z (скажем, касса или вокзал) утратил свою возможность распоряжаться этим местом. Если Иван только заказал билет, эта фраза утрачивает корректность, поскольку Иван не получил **контроля за местом** и не обеспечил себе **беспрепятственной и непосредственной возможности** пользоваться им. Для этого ему необходимо оплатить билет и получить его на руки.

Объект Y — интервал времени.

1.3) *Сержант взял увольнительную* [у комбата].

В референтной ситуации этой фразы сержант (X) получает от комбата (Z) разрешение на временное отсутствие на службе — увольнительную (Y). Тем самым X получает **контроль над временем** Y (никто не может теперь приказывать ему что-то делать в это время), благодаря чему он обретает **возможность** использовать время увольнительной для своих личных нужд. При этом комбат лишается возможности использовать это время сержанта в служебных целях. Подчеркнем, что речь идет именно **о возможности** воспользоваться увольнительной. Собственно использование увольнительной (реализация возможности) — это самостоятельный этап, который часто следует незамедлительно и как бы сливается с предшествующим (получение возможности). Ср. фразу *Я взял увольнительную и через час выхожу из части.*

1.2. Коснемся теперь действия А. Оно имеет двухшаговую структуру: а) «сержант подает просьбу об увольнительной» и б) «сержант получает разрешение (приказ) на увольнительную и подтверждающий документ». После реализации шага а) можно говорить *Сержант берет увольнительную* (если разрешение дается без труда), а после реализации шага б) — *Сержант взял увольнительную.* Поскольку глагол в актуальном значении *брать* I является предельным, он употребим лишь в тех случаях, когда в ситуации имеются реальные шансы (шаг а)) достичь результата.

Подчеркнем обязательность инициативных действий А со стороны X-а. Предположим, что сержант каждую пятницу автоматически, без каких-либо специальных действий с его стороны, получает увольнительную. Об очередном таком случае неправомерно будет сказать **Сержант взял увольнительную*.

1.3. Объект Y — действие.

В игре в волейбол подачей называется ввод мяча в игру с задней линии площадки. Та команда, на стороне которой в данный момент подача (право подавать), обладает преимуществом, поскольку может подачей начать атакующие действия. Если команда в процессе игры выигрывает очко (мяч), то она получает право на подачу. Эту ситуацию и описывает фраза

1.4) *Наши девушки красиво выиграли мяч и* ***взяли*** *подачу.*

Здесь, благодаря удачным манипуляциям с мячом (действие А), наши девушки получили **контроль над подачей**. **Возможность подавать**, которой владели их соперницы (Z), перешла к ним.

Слово *подача* имеет в спортивных играх еще одно значение: ‘полет мяча, посланный игроком с подачи (его удар)’. Оно реализуется во фразе *Наши девушки успешно взяли подачу соперниц и сейчас будут атаковать*, означающей ‘не ошиблись при приеме мяча, посланного соперницами с подачи, и готовят свой атакующий удар’. В этом употреблении общее значение глагола *взять* имеет другое наполнение: наши девушки получили контроль над ударом соперниц: изменили траекторию посланного ими мяча, и ликвидировали угрозу проигрыша очка, т. е. лишили соперниц возможности его выиграть этим ударом. Здесь Y — удар соперниц, а **контроль X-а над ним** проявился в нужном X-у изменении его траектории.

1.4. Вернемся к примеру 1.4) и заметим, что, если предыдущее очко также было выиграно нашими девушками и, следовательно, у них уже была подача, эта фраза в последней части утрачивает корректность, поскольку можно взять только ту возможность, которая «принадлежит другому деятелю Z и недоступна X-у» (см. свойство 1) формулировки (1)).

Последнее утверждение нуждается в разъяснении. Вернемся к примеру 1.1). Иван может сказать а) *Я взял книгу на свой номер* (на свою полку в отделе выдачи библиотеки). Далее, имея книгу на своем номере и возможность ее использовать, он, тем не менее, может сказать б) *Я взял книгу с номера на свое место* (в читальном зале). И, наконец, имея книгу на своем столе и возможность ею воспользоваться, он все же может сказать *Я взял книгу в руки*. Ясно, что в каждом последующем случае контроль Ивана за перемещениями книги возрастает и становится в последнем случае полным, как и возможность непосредственно ее использовать.

1.5. Как мы могли заметить в процессе анализа, тип Y-а (подвижный предмет, место или интервал времени) оказывается совершенно неважным. В самом деле, выражения *взять такси*, *взять место в партере*, *взять полчаса телефонного разговора* с позиций концепта (1) типологически неразличимы. Причина этого в том, что Y представлен в концепте не качественными характеристиками, а как функция — носитель каких-то возможностей, принадлежащих Z-у, которые X присваивает, вводя Y в сферу своего манипуляционного контроля.

2. Характеристические свойства референтной ситуации и действия «взять»

2.0. Дескрипция, стоящая в правой части концепта (1), не может без дополнительных пояснений служить определением для референтной ситуации высказывания *X берет* / *взял Y*, стоящего слева. Необходимо, чтобы входящие в дескрипцию языковые выражения были по возможности строго определены терминологически, т. е. как обозначения тех или иных общих свойств референтной ситуации глагола

взять. Постараемся это сделать и охарактеризовать референтную ситуацию таким образом, чтобы, располагая энциклопедическими знаниями о каждой конкретной ситуации, можно было «вычислять», удовлетворяет она концепту или нет. Положительный ответ означает, что левая часть концепта — форма *X берет* / *взял Y* — пригодна в качестве языкового описания (кодирования) ситуации, отрицательный — что не пригодна.

2.1. Начнем с действия «взять Y» и постараемся сначала понять, что может и чего не может делать с объектом Y «целенаправленное действие» A. Покажем, что не может оно очень многого: ни порождать или создавать объект, ни изменять или преобразовывать его, ни уничтожать.

В самом деле, если женщина родила ребенка, оно приобрела новую возможность. Однако при этом нельзя сказать, что *Она взяла ребенка*, поскольку его не было во внешнем к ней мире. Но эта фраза корректна, если женщина взяла ребенка из роддома или из детсада. Далее, можно сказать *Мне вчера в голову пришла неплохая идея*, имея в виду значение ‘я придумал неплохую идею’. Но эту мысль нельзя выразить фразой **Я вчера взял неплохую идею*, поскольку она подразумевает, что идея уже где-то существовала, кем-то была придумана. Аналогично, плохо сказать **Возьми кусочек дыни* в значении ‘отрежь кусочек от дыни’, поскольку кусочка дыни как самостоятельного объекта еще нет.

Даже если объект существует, но не является самостоятельным, невычленим из своего окружения без разрушения органических связей с ним, его тоже нельзя взять. Например, во фразах *Пойди в сад и сорви яблочко* / *сломай ветку сирени* нельзя употребить глагол *возьми*. Здесь яблоко и ветка не являются вполне самостоятельными предметами, которые можно перемещать из одного места в другое без нарушения их структурных связей. Действия «сорви» и «сломай» как раз и делают их самостоятельными. Если яблоко или ветка уже сорваны, фразы становятся корректными. *Пойди на кухню и возьми из вазы яблочко* / *возьми из букета ветку сирени*. Аналогично, можно сказать *Выжми сок из апельсина*, но нельзя — **Возьми сок из апельсина*. Заметим, что силовое воздействие на самостоятельный предмет вполне допустимо, ср. *Иван взял у Петра книгу силой*.

Действие «взять Y» не может также изменять или уничтожать Y, в частности, его расходовать, потреблять, увеличивать, уменьшать, отрывать, прикреплять, разнимать на части, смешивать и проч. Можно сказать *Съешь яблоко*, но нельзя в этом же значении сказать **Возьми яблоко*. Фраза *Возьми стакан воды* не может быть осмыслена в значении ‘выпей стакан воды’. Во фразе *Вольф Мессинг загипнотизировал зрителя* нельзя использовать глагол *взял*, хотя Мессинг получает возможность использовать зрителя и управляет его действиями. Причина в том, что здесь действие «загипнотизировал» меняет качественные свойства Y-а.

Таким образом, на долю анализируемого действия ничего более не остается, как только менять окружение Y-а или его отношения с ним и, в частности, с деятелем X, который может перемещать Y в пространстве, менять его отношение принадлежности (присваивать себе, забирать у других), менять степень доступности

и под. Конкретные реализации действия «взять» могут быть весьма различными. Фраза *Иван взял мобильник* может называть такие конкретные действия, как купил, одолжил, украл, отнял, выпросил, выхватил, занял, арендовал и др.

Условимся называть очерченный тип действия X-а с Y-ом **манипуляционным**. Он сохраняет неизменным сам объект (его свойства), но изменяет окружение объекта (его отношения с окружающими объектами). Теперь мы можем сделать следующее терминологическое разъяснение к дескрипции (1): результатом целенаправленного действия А должно быть исключительно манипуляционное воздействие X-а на объект Y. Если, скажем, волшебник уничтожил лампу, принадлежавшую Z-у, и вновь «материализовал» ее в своем окружении, фраза **Волшебник взял лампу* будет некорректной, хотя ее референтная ситуация внешне удовлетворяет дескрипции (1).

2.2. Перейдем к анализу свойства 1) из описания (1), а именно: «деятель X ... 1) **начинает контролировать объект** Y». Из только что сказанного следует, что и **контроль X-а над Y-ом является манипуляционным**. Это значит, что X **ограничивает манипуляционную свободу использования Y-а, подчиняет ее своей воле** и благодаря этому сохраняет или удерживает полученную в какой-то момент **возможность использовать объект Y**.

Проиллюстрируем это на примерах 1.1)—1.4). Во фразе *Иван взял книгу в библиотеке* **манипуляционное воздействие** Ивана на книгу заключается в том, что книга переместилась в место, из которого Иван может ее легко получить для использования (полка Ивана в отделе выдачи, стол в читальном зале), а **манипуляционный контроль —** в том, что она какое-то время из этого места никому другому не выдается и Иван может перемещать ее к себе для использования. Аналогично и с купейным местом Y во фразе *Иван взял купейное место*. **Манипуляционное воздействие** здесь в том, что Иван получил непосредственную возможность использовать это купейное место, а **манипуляционный контроль** в том, что оно недоступно другим (не может быть занято кем-то другим), независимо от того, занял его Иван или пока нет. Это позволяет Ивану **сохранять возможность** использовать купейное место.

Языковая релевантность такого контроля видна из анализа следующего наблюдения: «денотативную ситуацию предложения *Он сел рядом с ней* нельзя обозначить через выражение *взял место рядом с ней*» ([Селиверстова 2004: 267]). Дело в том, что выражение *сесть на место* означает просто **использовать** место и не предполагает обязательного наличия манипуляционного контроля над ним: если X покидает место, на него вполне может сесть другой. Выражение *взять место*, напротив, такой контроль предполагает. Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Предположим, что на свободное место «рядом с ней» претендовал другой человек. Тогда фразу *Он оттолкнул нахала и сел рядом с ней* вполне можно заменить фразой *Он с боем взял место рядом с ней*, которая будет означать ‘сел рядом с ней и контролирует это место по праву силы’.

Во фразе *Сержант взял увольнительную* **манипуляционное воздействие** на увольнительную — получение сержантом возможности перевести это время из служебного — в свое собственное, **контроль** — в удержании этой возможности без необходимости сразу же ею воспользоваться. Например, фраза *Я взял увольнительную, но, узнав о проверке, решил остаться в части* свидетельствует об отказе X-а от увольнительной, которую он взял (получил возможность использовать), но не начал использовать. Некорректность словосочетания **взять отставку* вызвана тем, что в аналогичной ситуации X не контролирует отставку: если он получил возможность выйти в отставку, то с необходимостью должен ее «использовать».

Наконец, фраза *Наши девушки красиво выиграли мяч и взяли подачу* указывает на получение ими права подавать (подача изменила собственника), а контроль — в лишении этого права других. Никто кроме них возможности подавать не имеет (как с книгой, полученной читателем на свой номер — ее теперь никто другой получить не может).

2.3. Перейдем теперь к анализу понятия принадлежности. Покажем сначала, что объект Y до «взятия» его X-ом не должен быть «бесхозным», не имеющим «хозяина» Z-а. Приведем три примера.

Мальчик принес домой перочинный ножик. Если он найден на улице, описать эту ситуацию фразой **Мальчик взял ножик на улице* нельзя, если же ножик был в комнате его товарища, наиболее подходящей будет именно фраза *Мальчик взял ножик в комнате Пети.*

Дачник выкопал где-то деревце и принес к себе на участок. Если это деревце находилось на участке соседа или в колхозном саду, вполне нормально сказать *Дачник взял деревце у соседа* / *в колхозном саду*. Если же деревце росло в «ничейном» лесу, фраза ?*Дачник взял деревце в лесу* звучит странно.

Если в соревновании бегунов — барьерном беге — спринтер преодолел очередной барьер, перепрыгнув через него, вполне возможно выражение *взял барьер*, поскольку этот барьер в некотором (слабом) смысле принадлежит организаторам соревнования, судьям (Z-у), т. е. тому, кто обладает ресурсом и правом его распределять спортсменам за успешные действия. Именно этот ресурс и «берут» спортсмены у Z-а, преодолевая барьер (получают за правильные манипуляции с ним очки).

Если же спортсмен в порядке тренировки перепрыгнул через одиноко стоящий на стадионе «бесхозный» барьер, об этом действии не скажешь **Он взял барьер*. Неприменимо это выражение и к пешеходу, перепрыгнувшему через возникшее перед ним препятствие — лежащий поперек дороги ствол дерева. Ни в том, ни в другом случае подобного Z-а нет. Другие примеры см. в п. 6.6.

2.4. Используемое в концепте (1) выражение «**объект** Y, **принадлежащий деятелю** Z» может обозначать как слабую, или **субъективную принадлежность** Y-а Z-у, так и сильную, или **объективную принадлежность**.

Субъективной мы называем принадлежность, заданную ситуационной, несущественной, эпизодической связью деятеля X с объектом Y. Такая связь выражается, главным образом, притяжательными прилагательными.

Например, выражение *Машина книга* может называть книгу, которую Маша редактирует, просто читает, использует как подставку для сковородки или как щит от солнца, взяла у подруги и положила на свой стол, считает подходящим подарком и т. д. Ни в одном из этих случаев нельзя сказать **книга Маши* или **Маша имеет книгу*. Заметим, что и Маша не может в этих ситуациях сказать **Моя книга*. Притяжательные формы, как мы видим на этом примере, могут выражать и «объективную принадлежность», о ней чуть ниже. Выражение *Машина книга* отражает внешний взгляд говорящего, связавшего книгу с Машей каким-то текущим, поверхностным отношением.

Будем говорить, что **деятелю X субъективно принадлежит объект Y**, если X связан в референтной ситуации с Y-ом каким-то несущественным, ситуационным, не общезначимым отношением или взаимодействием, которое выделяет для X-а объект Y среди других типологически идентичных объектов.

Объективная принадлежность, напротив, указывает на общезначимое, существенное, индивидуализированное отношение или взаимодействие X-а с Y-ом. Она выражается, главным образом, глаголами *иметь*, *принадлежать*, *владеть*, генитивом, а также и притяжательными прилагательными.

Например, книга «объективно принадлежит» Маше, если она ее написала, или купила, или выиграла в карты, или получила в подарок. Все перечисленные отношения или взаимодействия Маши с книгой общепризнанны и существенны, и в каждом из этих случаев можно сказать *Маша имеет книгу* или *Книга принадлежит Маше*. Заметим, что выражение *Машина книга* также оказывается возможным.

Объективная принадлежность может задаваться весьма различными отношениями. Это может быть отношение собственности (папина дача), генетическая или родственная связь (сын, род Ивана), продукт деятельности, выражающий индивидуальность, личность (теорема Ивана, его отпечаток пальца), физическая или органическая связь (ветка дерева, рука человека) и т. д. Все эти отношения не случайны и не ситуационны. Они отражают общезначимые отношения, признанные обществом или какими-то его группами.

Генитив *Голова Наполеона* может называть реальную голову полководца, и тогда она «объективно принадлежит» Наполеону, а может называть скульптурный слепок или рисунок и указывать на «субъективную принадлежность» Наполеону. В первом случае можно сказать *Наполеон имеет голову*, а во втором — нет. Аналогично, дети и жена Ивана общезначимо связаны с ним (биологически и социально), и поэтому «объективно принадлежат» ему, что и выражает фраза *Иван имеет жену и детей*. Выражение *след волка* также указывает на «объективную принадлежность» следа волку, поскольку след «порожден» волком и неразрывно с ним связан.

Будем говорить, что **деятелю X объективно принадлежит объект Y**, если X связан в референтной ситуации с объектом Y некоторым существенным, общезначимым отношением или взаимодействием, что выделяет для X-а объект Y среди других типологически идентичных объектов.

Еще одно сравнение. Фраза *Пример старшего брата* может обозначать два разных объекта: а) характерный поступок или образ действий старшего брата и б) придуманный им пример чего-то. Оба они «объективно принадлежат» старшему брату. И в том и в другом случае «пример» можно «взять»: *Иван взял пример со старшего брата* и *Иван взял пример старшего брата*. Фраза *Иван взял Машину книгу* сообщает о «взятии» книги, которая «субъективно принадлежит» Маше.

Итак, мы видим, что X может «взять» объект Y, как «субъективно принадлежащий», так и «объективно принадлежащий» деятелю Z.

2.5. Посмотрим теперь, как реализуется в действительности свойство 3) концепта (1), согласно которому деятель X может использовать объект Y «за счет возможностей Z-а». В случае, когда объект Y при «взятии» переходит к X-у целиком, полностью покидая своего прежнего владельца Z, реализация этого свойства очевидна: *Иван взял у Петра лопату* (Петр лишился лопаты), *Маша взяла отпуск* (работа лишилась Машиного рабочего времени). Однако в ряде референтных ситуаций «взятый» объект Y не переходит к X-у, а остается у Z-а. К X-у же переходит или его копия — *Иван взял цитату из классика*, или реализация — *Мы взяли курс лоцмана* (направление движения, разработанное или предложенное лоцманом).

Важно отметить, что и в этом случае свойство 3) концепта выполняется, поскольку X все равно пользуется ресурсом Z-а. Более того, Z-у становится недоступной часть этого ресурса, уходящая к X-у с копией (цитатой) или реализацией (принятым курсом движения) Y-а. Ею теперь может пользоваться только X.

Например, во фразе

2.1) *Иван взял цитату из классика*

Иван (X), благодаря действию A (созданию копии Y фрагмента текста, принадлежащего классику Z), получил возможность (**Y**) использовать эту копию (Y) в своих целях (полужирной буквой **Y** мы обозначаем возможность, которую несет для X-а объект Y).

Поскольку ранее эта возможность была недоступна X-у, а теперь она (в оригинале или в дубле) стала недоступна Z-у, то вырисовывается простейшая формулировка концепта (1) на «языке» возможностей, а именно: деятель X, воздействуя на объект Y, получает от Z-а возможность **Y**. Полную формулировку (1б) см. ниже, в п. 3.2.

2.6. Мы рассмотрели основные правила интерпретации ситуации действительности концептом (1). Если ситуация удовлетворяет концепту, точнее, дескрипции, стоящей в его правой части, то она получает статус референтной ситуации. Это значит, что ее можно корректно описать (кодировать) языковым выражением *X взял Y*, стоящим в левой части концепта.

Следует заметить, что в целях простоты изложения это выражение записывалось в редуцированном виде, не содержащем деятеля Z, владельца объекта Y и непременного участника референтной ситуации. Далее мы будем записывать левую часть концепта в виде *X взял Y* [*у Z*-а / *Z*-а]. В квадратные скобки заключены необязательные элементы. Тем самым она обозначает три формы: *X взял Y у Z-а*, *X взял Y Z-а* и *X взял Y*.

Употребление этих форм в значительной мере зависит от отношений принадлежности, складывающихся в референтной ситуации между ее участниками при взятии Y-а. Остановимся на каждой из этих форм. Следует оговориться, что выражения Y «объективно принадлежит» Z-у или Y «субъективно принадлежит» X-у — это определенные выше понятия, называющие два разных типа отношения принадлежности между Y-ом и Z-ом (или X-ом).

1) Форма *X взял Y у Z-а* указывает, что объект Y, «объективно принадлежавший» Z-у, стал «объективно принадлежать» X-у. При таком изменении отношений принадлежности между участниками употребляется именно форма *X взял Y* ***у Z-а***.

Примеры. *Сержант взял увольнительную* ***у комбата***, *Петя взял книгу* ***у Маши***, *Мы взяли у немцев Кенигсберг*, *У Ивана взяли жену и сына* (‘арестовали’). В самом деле, служебное время сержанта принадлежало комбату, а стало (увольнительная) принадлежать сержанту. Книга объективно, т. е. фактически принадлежала Маше, а стала принадлежать Пете. Город Кенигсберг принадлежал Германии, а стал нашим городом Калининградом. Иван имел жену и сына, а теперь они принадлежат органам госбезопасности.

2) Форма *X взял Y Z-а* указывает, что Y «объективно принадлежал» Z-у и сохранил эту принадлежность после «взятия» X-ом, а X взял у Z-а только «субъективную принадлежность» (или возможность). В этом случае группа ***у Z-а*** уже неупотребима. Следует употреблять генитив: *X взял Y* ***Z-а***.

Примеры. Предположим, в шахматной партии Каспаров побил ферзя Карпова, это действие можно выразить фразой *Каспаров взял* ***ферзя Карпова***. Ферзь объективно остался карповским, но субъективная, текущая возможность его использовать у Карпова отнята. Фраза *Каспаров взял ферзя* ***у Карпова*** возможна, но имеет другой смысл: ‘Каспаров физически забрал себе ферзя Карпова’. Высказывание *Начальник взял жену Ивана* имеет несколько значений: 1) взял в машину подвезти домой, 2) перевел к себе в секретари, 3) взял физически (‘овладел’). Но все они сохраняют «объективную принадлежность» жены Ивану. Выражение *взять машину отца* указывает на временное заимствование машины, т. е. на ее «субъективную принадлежность» новому хозяину, а выражение *взять машину у отца* — на более широкие полномочия в использовании машины или перемену собственности («объективная принадлежность»). Генитивная форма *ферзь Карпова*, *жена Ивана*, *машина отца* называет в рассмотренных контекстах «субъективную принадлежность» Y-а Z-у, **которую X и берет у Z-а**, оставляя ему «объективную», общезначимую принадлежность Y-а. Иначе говоря, между X-ом и Y-ом устанавливается

ситуационное, субъективное отношение, не элиминирующее существующее объективное отношение между Z-ом и Y-ом.

Продолжим разбор примеров. Фраза *Мы взяли укрепленный пункт немцев* корректна, если этот пункт утратил свою функцию и не стал нашим укрепленным пунктом, не стал «объективно принадлежать» нам. Это подтверждает некорректность фразы **Мы взяли укрепленный пункт у немцев* в ситуации, когда данный пункт был разрушен или оказался в нашем тылу (и поэтому не сохранился в своем качестве). Но она будет корректной, если укрепленный пункт переходит из рук в руки.

3) Форма *X взял Y* указывает, что Y «субъективно принадлежал» Z-у и стал принадлежать (субъективно или объективно) X-у. Ни форма с предлогом *у*, ни генитив в этом случае не употребимы.

Примеры. Библиотечная книга не принадлежит библиотеке «объективно» и стала «субъективно принадлежать» взявшему ее читателю. Поэтому нормально сказать *Иван взял книгу в библиотеке*, но плохо **Иван взял книгу* ***у библиотеки*** или **Иван взял* ***книгу библиотеки***. Однако если речь идет, допустим, о ценной иконе, считающейся собственностью музея, вполне возможна фраза *Президентский Совет взял икону у музея и передал церкви* или *Совет взял икону музея на выставку*.

Спринтер «взял» барьер в процессе бега, однако этот барьер никому не «принадлежал объективно», поэтому фразы **Бегун взял барьер* ***своих соперников*** / ***у своих соперников*** некорректны.

В разобранной выше, в п. 1.1 фразе 1.4) *Наши девушки красиво выиграли мяч и взяли подачу* отражена ситуация перехода подачи в волейбольной игре: право подачи «субъективно принадлежало» соперницам и так же субъективно стало принадлежать нашим девушкам. Принадлежность подачи (как права подавать) «субъективна», поскольку она зависит от ситуации, определяется внешними факторами и не связана ни с одной из сторон органически, сущностно. Поэтому в данном случае неправильно было бы сказать ни **взяли подачу* ***у своих соперниц***, ни **взяли подачу* ***своих соперниц***. Иную ситуацию описывает фраза *Наши девушки успешно взяли подачу соперниц и сейчас будут атаковать*. Здесь речь идет не о переходе подачи (права подавать), а об успешном приеме подачи соперниц, т. е. мяча, посланного соперницами с их подачи. Эта подача (мяч, пущенный их рукой на площадку наших девушек) уже «объективно принадлежит» соперницам, т. к. именно они ее «создали». Но она и не может быть передана в целости и сохранности. Время ее «жизни» невелико — до приема нашими девушками. Поэтому здесь форма **взяли подачу* ***у соперниц***, отражающая получение X-ом «объективной принадлежности» Z-а, недопустима.

В статье [Розина 2003: 243—244] при анализе выражений типа **взять крепость у ее защитников* (выражающих «переход участка пространства от одного владельца к другому… в результате применения силы») указывается такая причина их аномальности: «Контрагент находится на контролируемом им участке пространства, и отделить воздействие на Контрагента от воздействия на участок … невозможно».

Предложенное нами объяснение также годится: крепость «объективно принадлежит» не ее защитникам, а городу, правителю. Защитникам же она «принадлежит субъективно». Они находятся на ней временно и для исполнения защитных функций. Поэтому следует просто сказать *взять крепость*. Однако вполне можно сказать и иначе: *Мы взяли у турок крепость* / *у японцев Курильские острова*, *Власти взяли* (*отобрали*) *у Ивана сад* / *две комнаты* и под. Здесь Y (крепость, острова, сад) «объективно принадлежит» Z-у (туркам, японцам, Ивану), поскольку отношение Z-а к Y-у не ситуационно, а общезначимо.

3. Общее определение концепта

3.0. Теперь мы можем более строго определить основные языковые выражения правой части концепта (1а), «привязав» их к общим свойствам референтной ситуации высказывания (левой части концепта).

(1а) *X берет* / *взял Y* [*у Z-а* / *Z-а*] — Деятель X, благодаря целенаправленному действию А в отношении объекта Y, 1) начинает манипуляционно контролировать объект Y, принадлежавший другому деятелю Z и прежде недоступный X-у, вследствие чего 2) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать Y в своих целях 3) за счет возможностей Z-а.

Все приводимые ниже определения были обсуждены на примерах в п. 2, поэтому мы их не иллюстрируем.

3.1. Деятелем мы называем субъекта X (или Z), обладающего волей и целями (нематериальная, или духовная составляющая) и телом (физическая составляющая), посредством которого X способен взаимодействовать с материальным миром и достигать своих целей. Деятелем может быть человек, животное, коллектив, организация. Например, библиотека, имеющая свои цели и «тело» — сотрудников, помещение и проч., посредством которого эти цели достигаются.

Объектом мы называем любую материальную сущность Y, которая способна удовлетворять или порождать цели деятеля X (т. е. изменять его нематериальную составляющую) посредством возможности **Y**, постоянным носителем которой эта материальная сущность является в течение какого-то интервала времени (на протяжении своей «жизни»). Будем говорить, что деятель X имеет (получил) возможность **Y**, если он может непосредственно и беспрепятственно использовать объект Y для достижения какой-то своей цели. Поэтому, в сущности говоря, объект Y для деятеля X — это носитель возможности **Y**.

Свойством объекта Y мы называем характеристику, присущую ему и не зависящую от других объектов. **Отношение объекта** Y1 к объекту Y2 — это характеристика объекта Y1, зависящая от Y2.

Окружением объекта мы называем совокупность его отношений с другими объектами.

Определим теперь **манипуляционное воздействие**.

Условимся называть воздействие деятеля X на объект Y **манипуляционным**, если, во-первых, объект Y уже существовал до начала воздействия X-а, во-вторых, в процессе и результате этого воздействия объект Y сам по себе никак не изменился, т. е. не изменил своих свойств (не был преобразован или уничтожен), и, в-третьих, изменилось окружение Y-а или его отношения с окружающими объектами (пространственное положение Y-а, его принадлежность, доступность X-у и пр.).

Целенаправленное действие A в отношении объекта Y должно оказывать исключительно манипуляционное воздействие на него.

Деятель X **манипуляционно контролирует** объект Y, если X осуществляет такое манипуляционное воздействие на Y, посредством которого ограничивает манипуляционную свободу использования Y-а, подчиняет ее полностью или частично своей воле.

Будем говорить, что **объект Y субъективно принадлежит деятелю X**, если X связан в референтной ситуации с Y-ом каким-то несущественным, ситуационным, не общезначимым отношением или взаимодействием, которое выделяет для X-а объект Y среди других типологически идентичных объектов.

Будем говорить, что **объект Y объективно принадлежит деятелю X**, если X связан в референтной ситуации с объектом Y некоторым существенным, общезначимым отношением или взаимодействием, что выделяет для X-а объект Y среди других типологически идентичных объектов.

Объект **Y недоступен** деятелю X, если X не имеет возможности непосредственно и беспрепятственно использовать Y в своих целях.

Будем говорить, что X имеет возможность **использовать Y за счет Z-а**, если сначала Z имел возможность использовать Y в своих целях, а X — нет, а затем X получил возможность использовать Y в своих целях.

3.2. Введенные понятия превращают правую часть концепта (1а) в характеристическое описание референтной ситуации. Если переформулировать ее, опираясь не на объект Y, а на возможность **Y**, которую он несет X-у, то концепт (1а) получит простой и ясный вид:

(1б) *X берет / взял Y* [*у Z-а / Z-а*] — Деятель X, благодаря манипуляционному воздействию на объект Y, получает несомую им возможность **Y**, ранее принадлежавшую деятелю Z.

Объект Y — носитель возможности **Y** — не может фигурировать в этой формулировке как «добыча» X-а, поскольку при «взятии» он далеко не всегда «передается» от Z-а к X-у. Например, фраза *Иван взял с Петра слово* указывает, что посредством сказанного слова Y (данного обещания) Петр передал часть своей свободы **Y** Ивану. Но само слово Y к Ивану не перешло. Во фразе *Марат Сафин взял подачу противника* (‘удачно отбил удар с подачи противника при игре в теннис’) сама подача (объект Y) не перешла к Сафину. Зато несомая ею возможность **Y** — выиграть мяч (очко), перешла от противника (Z-а) к нему. Аналогично с фразой *Корабль взял курс на Бомбей*, см. ее анализ ниже, в п. 8.1.

3.3. Как мы могли убедиться, введенные понятия лингвистически релевантны, т. е. представляют собой значимые для лексики русского языка общие свойства действительности, языковые «концептуализации» действительности. Поэтому их естественно называть исходными, или элементарными концептами. Именно такие понятия и должны, на наш взгляд, стать семантической базой для описания языковых значений. Иначе говоря, мы считаем, что основным инструментом описания значений должны стать общие дескрипции, подобные концепту (1а), задающие схемы действительности, составленные из таких концептуальных свойств. Последующий семантический анализ позволит получать конкретизации общего концепта и составляющих его общих свойств (т. е. частные значения), возникающие при рассмотрении тех или иных типичных референтных ситуаций.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предъявить пример такого общего описания и продемонстрировать его объяснительные возможности. Следующие пункты (п. 4—8) посвящены рассмотрению конкретизаций концепта (1а) и его элементов для различных типов объекта Y: предмета, человека, места, времени, процесса, состояния и интеллектуального продукта.

Излагаемая точка зрения альтернативна направлению исследований, получившему название Московская семантическая школа (см. [Апресян 2005]), в котором «главным инструментом описания языковых значений являются их аналитические толкования на специальном семантическом метаязыке», представляющем собой «упрощенный и стандартизированный подъязык описываемого естественного языка ... При этом ядро словаря метаязыка образуют ... семантические примитивы и более сложные слова-смыслы типа *начать*, *перестать*, *момент*, *цель* и т. п.» (с. 13). Таким образом, аналитическое толкование использует **слова естественного языка** и представляет собой синонимическую перифразу толкуемого слова или выражения. Оно позволяет исследователю при описании языкового значения остаться в рамках естественного языка: слева (толкуемое) выражение или языковая форма, а справа также языковое выражение, но более простое. Тем самым язык предстает, как **средство описания** (кодирования и декодирования) **языковых смыслов —** семантических представлений, составленных из языковых же значений.

Излагаемая в данной статье точка зрения опирается на понимание естественного языка как **средства описания** (кодирования и декодирования) **внеположной ему реальности**, т. е. общих (концептуальных) свойств действительности. Поэтому **правая часть концепта (1а)**, **описывающая общее значение высказывания** *X взял Y*, **представляет собой** не синонимическую перифразу, а **дефиницию референтной ситуации**, т. е. характеристическое описание ее общих (концептуальных) свойств. Тем самым указывается, какие ситуации действительности допускают корректное описание (кодирование) данным языковым высказыванием, а какие — нет (подробнее эта точка зрения изложена в [Кошелев 1999]).

Подчеркнем, что актуальные для аналитического толкования проблемы лингво- и этноспецифичности входящих в него слов, для концептуального описания

оказываются несущественными, поскольку в нем **слова естественного языка используются как термины**, **обозначающие внеязыковые понятия**. В этом плане формируемые концептуальные описания (1), (1а) и др. аналогичны определениям физических или математических понятий, для которых вопросы лингвоспецифичности входящих в них слов не возникают, хотя они формулируются и трактуются на самых разных естественных языках. Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере.

3.4. Обратимся к краткому и очень предварительному анализу западноевропейских «аналогов» глагола *брать* — английского *to take* и французского *prendre* — и посмотрим, насколько применимы к их концептуальному описанию введенные выше, в п. 3.1, элементарные концепты.

Можно предположить, что более широкая употребимость глаголов *to take* и *prendre* обусловлена **отсутствием в их значениях требования манипуляционного контроля** X-а над Y-ом. Но в таком случае деятель X, получив возможность использовать объект Y, должен сразу же и реализовать ее. В противном случае, не подвергаясь контролю X-а, она может от него и ускользнуть. Таким образом, здесь референтное действие складывается из двух неразрывных действий: 1) манипуляционное воздействие X-а на Y, дающее X-у возможность использовать Y в своих целях, и 2) собственно использование X-ом Y-а.

Как кажется, сказанное подтверждается употреблениями этих глаголов. Например, *prendre le bus*, *to take a bus* («брать автобус» — садиться в автобус), *prendre une photo*, *to take a picture* («брать фото» — делать фотографию), *prendre un remède*, *to take medicine* («брать лекарство» — принимать лекарство), *prendre la température*, *to take one's temperature* («брать температуру» — измерять температуру), *prendre la rue* («брать улицу» — идти по улице), *to take a walk* («брать прогулку» — гулять) и др.

Все они сообщают о получении X-ом возможности что-то делать и незамедлительной ее реализации. По-русски *взять автобус* означает либо ‘силой захватить автобус’, либо ‘нанять его в качестве такси’. Ни в том, ни в другом случае не требуется, чтобы X занял автобус. Террористы, остановив автобус и приказав всем выйти, вполне могут сообщить властям: «*Мы взяли автобус*», поскольку сохраняют контроль над ним и возможность его использовать. Эту же фразу может сказать и «новый русский», как только он договорился с шофером автобуса о поездке. Русское выражение *взять фотографию* вполне аналогично выражению *взять книгу*, анализировавшемуся выше. Оно применимо только к готовой, сделанной фотографии и указывает, что X получил полную возможность ею манипулировать.

В силу сказанного, можно предположить, что концепт для глаголов *to take* / *prendre* имеет вид:

(1в) *to take* / *prendre* — Благодаря целенаправленному манипуляционному действию A в отношении объекта Y, деятель X 1) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать прежде недоступный ему объект Y в своих целях и 2) сразу же начинает реализовывать эту возможность.

Итак, мы видим, что в концепте (1в) фигурируют почти все элементарные концепты, введенные для концепта (1а). Только они образуют несколько иную конфигурацию, или схему.

Для итогового сравнения можно дать такие краткие дескрипции:

(1а') *взять Y* — X осуществляет манипуляционное воздействие на Y, дающее ему 1) возможность использовать Y и 2) манипуляционный контроль над Y-ом.

(1в') *to take* / *prendre* — X осуществляет манипуляционное воздействие на Y, дающее ему 1) возможность использовать Y; 2) X начал использовать Y.

3.5. Концепт (1а) представляет собой очередную попытку найти общее значение глагола *брать*, и только будущее покажет, насколько она удачна. Коснемся кратко истории таких попыток.

Одна из основных линий исследований, идущая, по-видимому, от Э. Бендикса, сводит глагол *брать* к глаголу *иметь*. «Интерпретация Э. Бендикса приводит понимание фраз типа „X takes Y“ как ‘X делает так, что X имеет Y’» [Селиверстова 2004: 352]. Сходное описание дано в «Лексической семантике» Ю. Д. Апресяна в обзорной главе 1 при пояснении языка семантических множителей: «*взять* = ‘сделать так, чтобы иметь самому’» [Апресян 1974/1995: 37].

В работе [Селиверстова 1975/2004] дается такое описание: «Глагол *взять* (*брать*) вносит информацию о том, что денотат дополнения (Y) включается в „существование“ денотата подлежащего (X), причем это включение определяется действием самого денотата подлежащего… и не имеет места до описываемого момента времени» (с. 265).

В работе [Селиверстова 2004] подробно и в разных аспектах анализируется глагол *to take* (см. с. 313 и сл., с. 349 и сл.).

В работе [Добрушина и др. 2001] предложена «абстрактная схема», имеющая следующий вид: «*брать* описывает действие, результатом которого является следующая ситуация: элемент Y попадает в состояние стабилизации; источником стабилизации является X, отличный от Y; стабилизация Y происходит по отношению к X» (с. 124).

В этой же работе кратко анализируется глагол *prendre*. «Значение *prendre* близко к описанию стабилизации одного терма относительно другого, без идеи завладения». Разбирая выражение *prendre le rue*, авторы указывают, что X «стабилизирует себя относительно улицы», т. е. «сам является источником действия, а характер стабилизации определяется по отношению к другому объекту (улица), что невозможно для русского *брать*» (с. 131).

4. Объект Y — перемещаемый предмет (*взять портфель*)

4.0. Многообразие частных значений и фразеологических сочетаний глагола *брать* / *взять* в значительной степени определяется разнообразием типов объекта Y, который «берет» деятель X, поскольку в зависимости от типа Y-а центральное

свойство концепта (1а) — манипуляционный контроль деятеля X над объектом Y — конкретизируется по-разному. Для Y-а-предмета X контролирует его перемещения, для Y-а-места X контролирует его посещения, или доступ к нему и т. д. Таким образом, для предмета Y концепт (1а) получает более конкретный вид:

(2) *X берет* / *взял Y* [*у Z-а* / *Z-а*] — Деятель X, благодаря целенаправленному действию A, 1) начинает контролировать перемещение предмета Y, принадлежавшего другому деятелю (или обществу) Z и прежде недоступного контролю X-а, вследствие чего 2) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать Y в своих целях, 3) лишая этой возможности Z-а.

Здесь выражение «деятель X начинает **контролировать перемещение предмета** Y» означает, что X ограничивает перемещение Y-а. Это ограничение может реализоваться по-разному: **от удержания Y-а в полной неподвижности**, с одной стороны, и **до точного предписания маршрута передвижения** Y-а — с другой, а также все промежуточные ситуации, когда, например, X ограничивает область произвольного перемещения Y-а.

4.1. Начнем с приложения схемы (2) к референтной ситуации высказывания

4.1) *Иван берет* / *взял в магазине* (*у соседа*) *бутылку водки.*

Получаем следующую интерпретацию: Иван (X) посредством действия A получает контроль за перемещениями прежде недоступной ему бутылки водки и возможность использовать ее, лишая этой возможности соседа или магазин Z. Действие A здесь складывается из двух этапов: Иван а) выяснил, что в магазине есть водка, или договорился с соседом о передаче ему бутылки и б) получил бутылку водки физически, т. е. переместил ее в сферу своего контроля. После этапа а) можно сказать *Иван берет бутылку*, а после б) — *Иван взял бутылку*. Глагол *брать*, будучи в актуальном значении *брать* I предельным, употребим лишь в тех случаях, когда в ситуации действительности уже произошло продвижение (этап а)) к результату.

Остановимся подробнее на весьма распространенном случае, когда происходит сближение X-а с Y-ом. Для этого случая свойство концепта (2) «X контролирует перемещение предмета Y» принимает вид следующего правила:

4.2) если X-у для использования предмета Y нужно сблизиться с ним, предмет Y не может оставаться на своем месте и должен проделать хотя бы часть пути к X-у.

Только при таком условии проявляется подчиняющая воля X-а в отношении перемещающегося Y-а. Если же только X движется к Y-у, то это значит, что у X-а нет никакого контроля за перемещениями Y-а. В этом случае ситуация перестает удовлетворять концепту и высказывание становится некорректным.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Предположим, что Иван заказал в библиотеке редкую книгу, которая хранится в фиксированном месте, причем ее нельзя перемещать, можно только листать. По своему заказу Иван может

получить и время исключительного доступа к рукописи и реально прийти и читать ее. Однако ни в том, ни в другом случае нельзя сказать *Иван взял книгу*. Причина в том, что он сам переместился к книге, а не книга к нему. Стало быть, Иван не управляет ее перемещениями. Однако, если разрешить перемещение книги к Ивану хотя бы на соседний столик, высказывание сразу становится корректным. Какой-то контроль над ее перемещениями Иван получил.

Правило 4.2) подтверждается и фразой *Иван взял книгу с собой* (книга перемещается вместе с Иваном по его маршруту), а также фразой *Дети встретили во дворе Петю и* ***взяли*** *его с собой в кино*. Здесь Петя (Y) подчинил свои перемещения воле встреченных детей (X-а). Заметим, что, если Петя и сам шел в кино, фраза утрачивает корректность, поскольку Петя самостоятельно, без влияния встреченных детей выбрал путь в кино.

Данный тип употреблений весьма распространен: *взять грибы в лукошко* / *билеты в карман* / *хлеба в магазине* / *стакан чая в столовой* / *пальто в гардеробе* и др.

4.2. Не следует думать, что правило 4.2) универсально для перемещаемых предметов. Есть случаи, когда X-у не нужно приближать предмет Y для получения возможности использовать его. В этих случаях контроль за перемещениями Y-а приобретает другие формы. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к примеру:

4.3) *Петя взял книгу в руки.*

Он был предметом внимания многих исследователей. В работе Е. Р. Добрушиной и Д. Пайяра ([Добрушина и др. 2001: 125]) дается такая трактовка: «начать держать Y (книгу. — *А. К.*) пальцами, или рукой, или в руках».

Приведем контрпример, показывающий недостаточность этой характеристики. Если Петя наполовину вытащил книгу, плотно зажатую на полке соседними книгами, он «держит ее пальцами», однако, сказать, что он ее взял, нельзя.

В совсем недавней работе [Розина 2003: 233] в толковании фразы 4.3) используется гораздо более точная характеристика «Y находится в руке X-а, и он может делать с Y-ом все, что хочет», но и она недостаточна. В самом деле, притянув к себе ветку сирени и держа ее в руке, Иван может делать с ней все, что захочет: понюхать, сломать, отпустить и пр. Однако сказать, что он **взял ветку сирени*, также нельзя.

Из концепта (2) следует, что X получает контроль за перемещениями книги и возможность непосредственно использовать ее (лишая тем самым этой возможности Z-а — других ее потенциальных читателей). Но, предположим, что ранее Петя взял эту книгу у Маши и, стало быть, уже приобрел над ней определенный контроль. Фраза 4.3) указывает, что этот контроль усилился, а именно, книга стала полностью контролироваться Петей в плане ее физических перемещений. Действительно, если человек подошел к чемодану и «начал держать его за ручку», нельзя сказать, что *Он взял чемодан*. Для этого требуется, чтобы человек поднял чемодан или, по крайней мере, оторвал его от пола и тем самым сделал подконтрольным своим манипуляциям.

Как мы видим, для установления данного контроля X-у не всегда требуется приближать к себе Y. Приведем яркий пример из работы [Розина 2003]: *Захар остановил на нем кровавый, тяжелый взгляд, потом, ни слова не говоря, взял бутыль за горло* (Бунин). Он как раз и иллюстрирует выделяемое автором частное «значение 1.3. Охватить пальцами и ладонью какую-то часть предмета, часть тела или деталь одежды человека» (с. 236), в котором нет приближения Y-а к X-у.

Вернемся к примеру с веткой сирени и заметим, что, если Иван подошел к кусту сирени, взялся за ветку и притянул ее рукой к себе, нельзя сказать **Иван взял ветку сирени*, потому что в таком положении, не будучи сорвана, ветка лишь частично «подвластна» манипуляциям Ивана. Для сравнения с этой ситуацией представим себе медицинский прибор для измерения объема легких. Пациент выдыхает весь воздух в трубку, соединенную с цилиндром, на шкале которого фиксируется объем его легких. В этой ситуации вполне нормально сказать *Пациент взял трубку в рот и сделал выдох*, поскольку трубка трактуется нами как самостоятельный предмет и ее присоединенность к цилиндру не препятствует пациенту осуществлять все нужные ему манипуляции с ней. Аналогично трактуется фраза *Иван взял руку Маши в свою*.

Точно так же и с книгой. Если, скажем, это телефонный справочник, привязанный к полке таксофона на достаточно длинной веревке, его вполне можно *взять*. Если книгу держат два человека и каждый желает оставить ее себе, нельзя сказать *Один из них взял книгу* или *Они взяли книгу*. Последняя фраза *Они взяли книгу* станет корректной лишь при условии, что они согласованно собираются с ней что-то делать.

В работе [Селиверстова 2004: 276—277] употребления типа *Петя взял книгу* характеризуются признаком «X становится пространственной опорой для Y». Его отсутствием объясняется невозможность мены глагола *схватить* на глагол *взять* в высказываниях типа *Он схвати*л (**взял*) *ее в свои объятия* (здесь X не стал опорой Y-а). Отмечаются и «некоторые исключения», когда отсутствие этого признака не препятствует употреблению глагола *взять* — *Она взяла его за плечи и начала трясти*, *Он взял ее за руку и потянул за собой.*

Предложенная характеристика — ‘получение X-ом контроля над перемещением Y-а’ — позволяет единообразно объяснить все процитированные примеры. В тех случаях, когда Y подвластен манипуляциям X-а, фразы корректны (*Она взяла его за плечи и начала трясти*, *Он взял ее за руку и потянул за собой*), а в остальных — нет (**Он взял ее в объятия*).

Употребления, подобные 4.3) весьма распространены: *взять кирпич* / *телефонную трубку* / *королевскую пешку* / *курительную трубку в рот* / *кило яблок в руки*; *брать лыжи на плечо* / *деньги в кулак* / *ягоды в пригоршню* и др.

4.3. В [Розина 2003] отмечается, что глагол *взять* «в своем основном значении относится к классу глаголов движения, точнее — к подклассу перемещения Объекта (примеры других глаголов этого класса — *схватить*, *стянуть*, *украсть*, *утащить*, *унести*)» (с. 231). Это утверждение требует комментария. В самом деле, в предыдущем пункте мы приводили примеры «взятия» Y-а без его перемещения.

В то же время у глаголов *стянуть*, *утащить*, *унести* такой свободы употребления нет. Они не могут употребляться в ситуациях, когда «взятие» имело место, а «перемещение» нет. Если, например, Петя, будучи у Маши в комнате, незаметно от нее и вопреки ее воле взял книгу, но не вынес, а просто спрятал на себе, вполне можно сказать *Петя взял книгу*, но не **Петя стянул* / *утащил* / *унес книгу*. Это указывает на наличие в концептуальных значениях данных глаголов компонента ‘перемещение Y-а’ и отсутствие его в концептуальном значении глагола *взять*.

Однако в основном (частном) значении — ‘перемещение предмета в личное пространство человека’, выделяемом в [Розина 2003: 236], этот компонент действительно присутствует — как характеристика одного из типичных вариантов «взятия рукой». Поэтому цитированное в начале пункта утверждение Р. И. Розиной вполне справедливо.

Сходным образом обстоит дело и с компонентом ‘насилие’, к рассмотрению которого мы и переходим.

4.4. Следует заметить, что «беря» Y, X затрачивает физические усилия. Иногда они невелики, в других случаях — весьма значительны (*взять штангу* / *пенальти*), а нередко даже связаны с насилием: *Американцы взяли Багдад*; *Террористы взяли заложников*; *Разведчики взяли языка*; *Соседи взяли вора с поличным*. Грабители банка, увозя добычу, вполне могут задаться вопросом: *Сколько же, интересно, мы взяли?* Ясно, что компонент ‘насилие’ в этих употреблениях **обусловлен контекстом**, а не значением глагола. В то же время эти «силовые» употребления глагола взять соответствуют глаголам, содержащим компонент ‘насилие’ **в своем значении**: *захватили Багдад* / *заложников*, *схватили вора*, *поймали языка*, *ограбили банк*.

Это различие природы семантического компонента (языковая или контекстно обусловленная) хорошо иллюстрируется выражением *взять женщину*, которое применимо как к ситуациям насилия над женщиной, так и к ситуациям ненасилия. Напротив, выражение *изнасиловать женщину* к ситуациям ненасилия неприменимо.

4.5. Выше мы уже отмечали, что по своей природе концепт глагола *брать* / *взять* — это функциональная схема, состоящая из участников-ролей и отношений между ними. Не будучи непосредственно привязана к действительности, она может проецироваться на ситуацию действительности самым неожиданным, на первый взгляд, образом.

Это хорошо видно на примерах спортивной тематики (спортивные «взятия»): *взять мяч* / *ворота гостей* / *подачу соперника* / *штангу* / *высоту* и под. В них цели участников очевидны, а действия наглядны, поэтому ролевые функции X-а, Y-а и Z-а проявляются с особой отчетливостью: X «берет» (присваивает себе) не сам предмет Y, а несомые им возможности победить соперника. Казалось бы, референтные ситуации фраз *Вратарь взял пенальти* и *Хозяева поля быстро взяли ворота гостей* не содержат ничего общего, поскольку указывают на противоположные события: в первом случае вратарь не пропустил мяч в ворота (поймал или

отбил его), а во втором, напротив, мяч оказался в воротах. Однако употребление в них глагола *взять* выявляет нечто общее: и в том и в другом случае спортсмен X, получив возможность использовать снаряд Y и осуществив манипуляционный контроль над ним, *взял* дополнительные шансы на победу.

Особенность многих ситуаций в том, что использование X-ом полученных возможностей происходит настолько незамедлительно и безальтернативно, что этот результат неизбежно присоединяется к собственно «взятию» — получению **возможности** использовать Y и **контроля** над ним. Остановимся на этих ситуациях подробнее.

Представим себе, что футболист Стрельцов с ходу бьет по воротам соперника, но вратарь отбивает его удар. Комментатор восторженно восклицает:

4.4) *Вратарь берет удар Стрельцова!*

Изменим ситуацию: допустим, тот же Стрельцов, преследуемый соперниками, отпасовывает теперь уже своему вратарю, но неудачно, мяч летит в ворота, и вратарь с трудом его ловит. В этой ситуации комментатор никогда не скажет

4.5) **Вратарь берет удар Стрельцова*,

хотя вратарь также спасает команду от гола.

С помощью концепта (2) указанное различие легко объясняется. В референтной ситуации фразы 4.4) роли распределяются следующим образом: X — вратарь, Z — Стрельцов, а Y — удар Стрельцова, т. е. мяч, посланный им в ворота противника и являющийся в данный момент угрозой для вратаря. С другой стороны, удар является и носителем возможностей Стрельцова — того, кому он и принадлежит.

Отражая удар Стрельцова (ловя или отбивая мяч), вратарь осуществляет контроль над его перемещением, лишая соперника этих возможностей. В случае удара Стрельцова по своим воротам фраза **Вратарь берет удар Стрельцова* некорректна, поскольку Y является «своим» ударом и его отражение лишь позволяет Стрельцову и его команде избежать снижения своих возможностей победить. У соперника (Z-а) при этом ничего не забирается.

Обратим внимание, что в выражении *удар Стрельцова* удар (Y) «объективно принадлежит» Стрельцову (Z-у) (см. определения объективной и субъективной принадлежности выше, в п. 2.4). Это и понятно, ведь он (удар) «порожден» Стрельцовым и имеет самостоятельный объектный статус: существует на всем протяжении полета мяча. В то же время, он не сохраняется как самостоятельный объект после взятия вратарем, перестает быть ударом Стрельцова. Поэтому у вратаря остается лишь «субъективная принадлежность» этого удара — ликвидированная угроза воротам. Налицо все условия для использования здесь генитивной формы *X берет* ***Y Z-а*** (см. п. 2.6). Заметим, что в 4.4) нельзя употребить выражение **мяч Стрельцова*, можно лишь *мяч, посланный Стрельцовым*. Если слово *удар* трактует мяч, посланный ногой Стрельцова, как новый объект, созданный Стрельцовым и потому «объективно принадлежащий» ему, то выражение *мяч,*

посланный Стрельцовым не трактует тот же движущийся мяч как такой новый объект.

Рассмотрим другой вариант «спортивного взятия» предмета:

4.6) *Юрий Власов взял штангу весом 215 килограммов.*

Здесь Z — это организаторы и судьи соревнования, имеющие ресурс (очки, призовые места), который и распределяется штангистам за успешные действия со штангой во время состязания. Употребление *взял* здесь указывает, что Власов (X) получил контроль над перемещением штанги (Y), принадлежащей Z-у, и возможность использовать ее в своих целях (получить от Z-а дополнительные очки). Заметим, что в условиях тренировки фраза 4.6) утрачивает корректность, поскольку здесь отсутствует внешний деятель Z и его ресурсы, присваиваемые X-у.

Фраза *Власов взял штангу на грудь* трактуется аналогично, только контроль над ее перемещениями промежуточный и нацелен на то, чтобы затем выжать ее.

4.6. Сказанное объясняет бытующие среди абитуриентов употребления *Ты сколько задач взял* (= решил)*?* Или появившиеся с недавнего времени в телевикторинах употребления *Молодец, взял трудный вопрос*. Они обретают корректность только в условиях соперничества, когда есть некоторый Z, за ресурс которого идет борьба. Например, плохо сказать **Иван взял кроссворд* / *шахматную задачу* в ситуации, когда Иван это сделал просто для развлечения.

Аналогично объясняются и употребления типа *взять интеграл*, характерные для практических занятий по матанализу, когда все студенты решают одну задачу. Однако в научных статьях и даже в задачнике используется только выражение *вычислить интеграл*. Во фразе *Леонарду Эйлеру потребовалось четырнадцать часов, чтобы вычислить этот интеграл*, вряд ли уместно употребление глагола *взять*.

5. Объект Y — человек (*взять ученика*)

5.0. Поскольку человек телесно остается перемещающимся предметом, для него сохраняются все перечисленные выше ограничения. Однако их реализации гораздо разнообразнее. Начнем с самых простых.

5.1. Представим себе вокзал, на котором и носильщик и чистильщик сапог ждут клиентов. Вполне нормально сказать

5.1) *Прибывший пассажир взял носильщика* (нести чемодан)

и плохо

5.2) **Прибывший пассажир взял чистильщика обуви* (чистить туфли).

Напомним правило 4.2) из п. 4.1: из требования манипуляционного контроля X-а над Y-ом следует, что X не может пройти весь путь к Y-у. По крайней мере часть пути к X-у должен проделать Y.

Корректность фразы 5.1) *Прибывший пассажир взял носильщика* легко объяснима. Посредством действия A (наняв носильщика), пассажир (X) получил возможность использовать носильщика (Y), причем контролируя его перемещения: в соответствии с правилом 4.2) о перемещении Y-а к X-у, носильщик следует за пассажиром, неся его чемодан. Деятель Z здесь — вокзал, ресурс которого на время изымается пассажиром.

Важно строго разделять два различных действия, часто неразрывных и поэтому воспринимающихся как одно действие: собственно получение X-ом возможности непосредственно использовать Y и следующее за этим использование X-ом Y-а. Глагол *взять* указывает только на первое из них. Допустим, вы в мебельном магазине выбрали кресло и спрашиваете у продавщицы: «Можно его купить?». Ее ответ «*Это кресло уже взяли*» вполне корректен и соответствует концепту (2): X осуществил действие A в отношении кресла (оплатил его), в результате чего получил возможность его использовать и манипуляционный контроль над ним, поэтому кресло нельзя никому отдавать. Собственно транспортировка кресла к X-у — это отдельное следующее действие.

Аналогично и с носильщиком. Выражение *взять носильщика* означает только договориться с ним о получении услуги и контроле за его перемещением и указать чемодан. Последующее действие (использование носильщика) называется уже другим глаголом — *нести чемодан*.

Обратим внимание на обязательность инициативного действия A. Если бы каждый прибывший пассажир автоматически получал носильщика, фраза **Прибывший пассажир взял носильщика* утратила бы корректность.

Аномальность фразы 5.2) **Прибывший пассажир взял чистильщика обуви* объясняется тем, что пассажир сам подошел к чистильщику для обслуживания. При этом он тоже нанял его (подошел и договорился) и получил возможность его использовать, но не получил контроля за его перемещениями. Напротив, чистильщик сапог получил контроль над перемещениями пассажира (который к нему пришел). И поскольку он договорился с пассажиром и получил возможность использовать его в своих целях, он вполне может сказать *Я взял клиента*. В отличие от 5.2), близкая к ней фраза *Иван вчера в борделе взял блондинку* вполне корректна, поскольку блондинка (Y) с какого-то момента, следуя желаниям Ивана, пошла с ним. Фраза 5.2) станет корректной, если пассажир договорится, что чистильщик сапог, например, придет к нему в гостиницу.

Точно так же фраза *Хозяйка взяла новую прачку* корректна только в ситуации, когда прачка приходит к хозяйке за бельем или туда, куда скажет хозяйка, но не наоборот. Ситуацию, когда хозяйка носит белье прачке и забирает постиранное, можно описать фразой *Хозяйка наняла* (*нашла*) *новую прачку*, но не фразой **Хозяйка взяла новую прачку*. Аналогично, фраза *Хозяйка взяла себе новую служанку* корректна, а инверсная фраза **Служанка взяла себе новую хозяйку* — нет, при полной корректности фразы *Служанка нашла себе новую хозяйку*.

Обратимся теперь к анализу фразы *Учитель музыки взял себе нового ученика Петра* и объясним, почему вполне корректна и ее инверсия *Ученик Петр взял*

себе нового учителя музыки. Дело в том, что фраза *Ученик Петр взял себе нового учителя музыки* существенно отлична от фразы **Служанка взяла себе новую хозяйку*, поскольку описывает ситуацию, в которой ученик нанимает учителя, платит ему за обучение и благодаря этому получает возможность не только использовать учителя, но и в какой-то мере контролировать его перемещения, например, приглашать к себе или назначать место и время проведения занятий. Эту трактовку легко подтвердить: фраза *Ученик Петр взял себе нового учителя музыки* утрачивает корректность в условиях государственной музыкальной школы, где этот контроль ученика отсутствует (при том что иногда ученик может **выбрать** себе учителя). Однако фраза *Учитель музыки взял себе нового ученика* остается корректной и в этих условиях, поскольку ее референтная ситуация и контролирующая роль учителя сохраняются.

В заключение этого пункта обратимся к анализу употребления *взять такси*. Оно уже неоднократно было описано, в частности, в работе [Добрушина и др. 2001: 131]: «Словосочетание *брать такси* возможно потому, что тот, кто едет на такси, определяет его маршрут, а следовательно, может быть представлен как завладевший, т. е. манипулирующий Y-ом. ⟨...⟩ Словосочетания **брать автобус* и **брать маршрутное такси* не существуют потому, что в ситуации поездки на автобусе или в маршрутном такси от воли X-а мало что зависит и поэтому нет речи о завладении». Сходное наблюдение было высказано в работе О. Н. Селиверстовой 1975 г. [см. Селиверстова 2004: 288].

Будучи в целом верным, данное объяснение требует уточнения, поскольку не дает ответа на вопрос: почему корректны такие высказывания, как *Таксист взял пассажира*, *Кучер взял седока*? Ведь ни таксист, ни кучер не определяют маршрут движения.

Дело в том, что пассажир, взяв таксиста, в значительной степени контролирует его перемещения. Но с точки зрения таксиста, колесящего по улицам в поисках клиента, пассажир расширяет его возможности и также подпадает под его контроль, выражающийся в том, что пассажир получает согласие таксиста (а может получить и отказ) ехать по нужному ему маршруту и садится к нему в машину (перемещается к таксисту), реализуя тем самым самостоятельную цель таксиста. В отличие от пассажира, таксист не предписывает маршрут, но ограничивает область перемещения пассажира, поскольку может отказаться ехать в неудобное ему место. Для сравнения заметим, что, если крупный чиновник вызывает служебную машину для поездки по делам, он вполне может сказать *Я взял машину*. Однако везущий его шофер не скажет **Я взял чиновника*, поскольку, в отличие от таксиста, никак не контролирует поездку. По этим же причинам некорректна фраза **Иван взял трамвай* (‘сел в трамвай’), поскольку трамвай, движется по своему маршруту, и его водитель никак не контролируется Иваном.

В этом же ключе объясняется множество других употреблений подобного типа: *взять проводника* / *экскурсовода*, *взять в разведку* / *в поход*, *брать на работу* / *в обучение* / *в солдаты* / *на стажировку* / *на квартиру* / *на операцию* / *на довольствие* / *на обслуживание*.

5.2. Фраза *Преследователи взяли преступника в кольцо* указывает на значительный, но не полный контроль преследователей над перемещениями преступника. Это же верно и для фразы *Бывшего министра взяли под домашний арест*. Обе они аналогичны фразе *Иван взял книгу домой*, указывающей на значительный, но не полный контроль Ивана за перемещениями книги.

Если в ситуации, описываемой фразой *Преследователи взяли преступника в кольцо*, преследователи сжимают кольцо, их контроль за его перемещениями возрастает и в пределе (*Преследователи взяли преступника*) становится полным. Это же справедливо для фраз *Деда взяли прямо на улице* (‘арестовали’) и *Охранник завел девицу в подсобку и там* ***взял*** *ее*. Для сравнения заметим, что аналогичная полнота манипуляционного контроля X-а над Y-ом имеет место и во фразе *Иван взял книгу в руки*.

Отметим своеобразие распределения ролей Y-а и Z-а в данных случаях. Здесь Y — тело человека, а Z — его воля, сознание, владеющее и управляющее телом (подобно тому, как человек управляет взятой в руку книгой). В соответствии со сказанным и с концептом (2) получаем такую конкретизацию:

5.2а) *Преследователи взяли преступника* — Преследователи, благодаря целенаправленному действию A (приблизились к преступнику), начали полностью контролировать его перемещения (силой ограничив его свободу) и расширили свои возможности воздействовать на него, лишая Z (волю преступника) возможности свободно им управлять.

5.3. Следует заметить, что распределение ролей X-а и Z-а в референтной ситуации часто предопределяет именная группа, задающая Y. Например, во фразах *Иван взял служанку у Петра* / *служанку Петра*, Z — это Петр, поскольку служанка принадлежит ему и у него X изъял возможность пользоваться ею. Во фразе 5.2а) владелец преступника не задан, поэтому можно считать, что он принадлежит сам себе (сам собой управляет).

5.4. Сходное с 5.2а) значение представлено и во фразе *Иван взял лошадь под уздцы*, где сообщается, что Иван осуществил некоторые действия (обхватил пальцами уздечку лошади), давшие ему полный контроль над перемещениями лошади. Если Иван обхватил уздечку, сидя на лошади, фраза утрачивает корректность, поскольку в таком положении Иван не может контролировать ее перемещения. По сходной причине по меньшей мере странно звучит фраза ?*Иван взял статую лошади под уздцы*, поскольку Иван не получил никакого контроля над статуей лошади (лучше сказать *взялся за уздечку*). Она станет нормальной лишь в следующей ситуации: *Иван взял статую лошади под уздцы и потащил ее за собой*, в которой контроль появляется.

Последний пример на эту тему: *Барон Мюнхгаузен берет себя за волосы и вытаскивает вместе с лошадью из болота*. Здесь X — Мюнхгаузен, Y — его тело, а Z — его воля, вернувшая себе полный контроль над телом.

5.5. Следует подчеркнуть, что в приведенных употреблениях характеристика последующих действий X-а не содержалась (как именно он использовал получен-

ную возможность). И действительно, из выражения *взять книгу в руки* последующие действия не вытекают (можно открыть книгу, положить ее в портфель и т. д.). Выражение *взять деда* (‘арестовать’) с большой вероятностью предопределяет дальнейшие события: деда отправят в камеру. Поэтому данная характеристика входит в типичное частное значение, хотя вполне возможно употребление и без нее: *Деда взяли на улице, но, проверив документы, тут же отпустили.* Наконец, употребление *взять девицу* (‘овладеть’) настолько безальтернативно предопределяет последующий этап (собственно овладение), что он входит в значение этого употребления неотъемлемой частью.

5.6. Мы уже отмечали, что X может получать контроль над Y-ом и не приближая его к себе, например, просто беря лежащий рядом предмет в руку. Возможны и иные варианты. Рассмотрим фразу

5.3) *Снайпер взял на прицел террориста.*

На первый взгляд, ее можно пояснить так: взял значит ‘навел прицел на террориста’. Это значение выражается фразой *Снайпер прицелился в террориста*. Недостаточность такого объяснения легко обнаруживается. В близких, казалось бы, ситуациях фразы, аналогичные примеру 5.3), утрачивают корректность и становятся по меньшей мере странными: ?*Снайпер взял на прицел дерево* / *стакан воды, стоящий на подоконнике*. И это при полной корректности фраз Снайпер прицелился в дерево / в стакан воды.

Дело в том, что фраза 5.3) явным образом соответствует концепту (2): снайпер (X), наведя прицел на террориста (Y), получает возможность контролировать его перемещения и выполнять тем самым задание общества и его антитеррористических служб (Z). Что касается фраз ?*Снайпер взял на прицел дерево* / *стакан воды*, *стоящий на подоконнике*, то их сомнительность вызвана отсутствием контекста, поясняющего, каким образом снайпер может использовать Y, и каков тот Z, ресурсы которого снайпер может получить. Стоит нам слегка модифицировать эти фразы в требуемом направлении, и они сразу станут вполне приемлемыми: *Снайпер взял на прицел гранату, лежащую на подоконнике*; *Снайпер взял на прицел стакан с ядом, который она держала в руке*.

Итак, мы видим, что обретение манипуляционного контроля X-а над Y-ом может достигаться как пространственным приближением Y-а к X-у (*взять машину угля* / *сиделку*), так и расширением пределов досягаемости X-а, например, с помощью технических средств (на этом принципе основаны метафоры *Ружье* / *бинокль берет на триста метров*, «*Эрика*» *берет пять копий*). Если же Y уже находится в пределах досягаемости X-а и его приближение к X-у не требуется, глагол *взять* указывает на более полный, манипуляционный контроль над Y-ом (*взять авторучку* / *преступника*).

5.7. Фраза *Жильцы дома взяли подозреваемого под наблюдение* сходна с 5.3) и свидетельствует о том же: жильцы в определенном плане контролируют поведение подозреваемого. В самом деле, они не только наблюдают за ним, но и способны

нужным образом реагировать на некоторые его действия. Как только контролирующая функция наблюдения утрачивается, фраза становится сомнительной, ср. ?*Дети взяли диверсанта под наблюдение*.

Аналогично трактуются выражения *брать на учет* / *на заметку*. Они употребляются в ситуациях заведомого подчинения Y-а X-у, ср. вполне корректную фразу *Учитель взял на заметку проштрафившегося новичка* и сомнительную ?*Ученик взял на заметку нового учителя*. Подобным образом трактуется и выражение *брать на поруки*, возможное лишь в ситуации, когда берущие на поруки заведомо имеют на Y-а определенное влияние. Например, плохо сказать об отбившемся от рук сыне **Мать берет его на поруки*.

5.8. Рассмотренная контролирующая функция может распространяться на любые (не только одушевленные) Y-и, нежелательные изменения которых X способен корректировать. Во фразах *Вымирающий вид китов* / *уровень воды в дамбе взяли под наблюдение* употребление глагола *взяли* указывает, что наблюдающие способны приостановить, скажем, резкое сокращение численности китов или опасное повышение уровня воды. Как только реализуемость контролирующей функции наблюдения утрачивает очевидность, подобные употребления глагола становятся сомнительными: ?*Звезды* / *Восход солнца взяли под наблюдение*.

5.9. Выражение *брать в жены*, употреблявшееся в старину, отражает традиционное главенство мужа в семье, фраза *Она взяла себе мужа из простых* — на подконтрольное положение мужа. ср. *Жены богатой лучше не брать, чем ей мужем владать* [Словарь Даля, I: 125].

Любопытно заметить, что было бы неправильно сказать **Мать взяла жену своему сыну*, но вполне нормально *Мать выбрала жену своему сыну*. По-видимому, в русской наивной картине мира нет стереотипа «свекровь непосредственно контролирует невестку». Более приемлема фраза *Жена взяла служанку своему мужу*, поскольку для жены непосредственное управление служанкой мужа, по-видимому, более типично, и уж совершенно нормальна *Иван взял книгу брату*. Здесь непосредственный контроль Ивана за книгой очевиден.

5.10. Подчеркнем, что для получения возможности непосредственно и беспрепятственно использовать Y в своих целях, X должен осуществлять контроль за перемещениями Y-а без каких-либо преград. Их наличие исключает употребление глагола *взять*. Поэтому в выражениях *поймать волка в капкан* / *щегла в силки*, *посадить хомячка в клетку* и под. глагол *взять* не употребим. Это справедливо и для фраз *Родители посадили буйного Петю в подвал*, *Командир посадил штрафника в карцер*. Фразы **Родители взяли буйного Петю в подвал*, **Командир взял штрафника в карцер* некорректны. Сходная с последней фраза *Преследователи взяли преступника в кольцо* вполне корректна, но фразы **Преследователи взяли преступника в сеть* (которую на него набросили) / *в яму-ловушку* (к которой его подманили) уже некорректны (нужно сказать *поймали в сеть*, *заманили в яму-ло-*

вушку). Ср. также *Они *взяли* (*поймали*) *щуку сачком* и *Они взяли* (*поймали*) *щуку голыми руками*.

Как мы видим, глагол *взять* неприменим ко многим ситуациям, описываемым глаголами *поймать Y-а* (в сети, в капкан), *привязать*, *запереть*, *заковать* и под., поскольку между X-ом и Y-ом вклинивается самостоятельный (независимый от X-а) фактор ограничения перемещений Y-а (капкан, клетка, сеть, яма, карцер, сачок), препятствующий непосредственному использованию X-ом Y-а. Подчеркнем, что инструмент X-а (пинцет, клещи, рогатина и под.) не является самостоятельной преградой и потому не препятствует употреблению глагола, ср. *взять бабочку пинцетом* / *змею рогатиной*.

При отсутствии указанного фактора глаголы *поймать*, *ловить*, *зажать* и под. могут заменяться глаголом *взять*, ср. *Самые большие* [ястреба]… *называются гусятниками, потому что они берут, т. е. ловят, диких гусей* (МАС), *Он бродит, зная наперед, Где, у какого бурелома Лисица рябчика берет* (МАС).

5.11. Хорошей иллюстрацией функциональных возможностей концепта может служить следующее метафорическое высказывание:

5.4) *Иван, возьми* (*бери*) *себя в руки, не раскисай.*

Его можно интерпретировать следующим образом: X — главная (разумная) составляющая сознания Ивана, Z — эмоциональная, непосредственно реагирующая компонента его сознания, а Y — его поведение, подчиненное (принадлежащее) эмоциональной компоненте Z и недоступное рациональной составляющей X. Говорящий предлагает Ивану (разумной части сознания) обрести контроль над своим поведением Y, изъяв его из-под контроля эмоций (Z). Таким образом, сознание Ивана метафорически интерпретируется как совокупность двух самостоятельных и наделенных волей сущностей (деятелей): разума (X) и эмоций (Z), борющихся за контроль над поведением (Y) Ивана. Разум стремится «подчинить» поведение Ивана правилам приличия и, в частности, заставить его скрывать свои переживания, а эмоции — открыто предаться им. Налицо полное соответствие референтной ситуации фразы 5.4) концепту (2).

6. Объект Y — место (*взять крепость*)

6.0. Для случая, когда Y — место, центральное свойство концепта (1а) — манипуляционный контроль деятеля X над объектом Y — сводится к тому, что X **контролирует доступ** к Y-у. Это может проявляться двояко: с одной стороны, X **может ограничивать доступ к месту Y другим** (до полного запрета), а с другой — **может сам получить доступ к Y-у** (вплоть до полной свободы посещать любой «уголок» Y-а). Между этими крайностями возможны разнообразные промежуточные положения, когда доступ к месту Y ограничен или разрешен X-ом лишь частично.

Концепт (1а) конкретизируется при этом так:

(3) *X берет / взял Y* [*у Z-а / Z-а*] — Деятель X, благодаря целенаправленному действию A, 1) начинает **контролировать доступ к месту** Y, принадлежавшему другому деятелю (или обществу) Z и прежде недоступному для X-а, вследствие чего 2) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать место Y в своих целях, 3) за счет возможностей Z-а.

6.1. Разбор примеров начнем с одного сопоставления. Фраза

6.1) *Иван взял ложу в театре*

имеет значение ‘обеспечил себе право занять место’, но никак не может иметь значение ‘занял место’. В то же время фраза

6.2) *Американцы взяли Багдад*,

напротив, имеет значение ‘заняли Багдад’, но не имеет значения ‘обеспечили себе право занять Багдад’.

Естественно задаться вопросом: каким образом носитель языка безошибочно понимает столь прихотливую реализацию значений, составляющих, кстати сказать, лишь крохотную часть всего многообразия употреблений. Никто его этому не учил, да и ни в каком словаре столь детального описания употреблений нет. Остается предположить следующее: носитель языка, обладая общим (концептуальным) значением глагола *брать*, с одной стороны, и энциклопедическими знаниями о текущей референтной ситуации, с другой, каждый раз «вычисляет» значение текущего употребления глагола, определяя, во-первых, соотносимость концепта с референтной ситуацией, а во-вторых (если да), то конкретное «наполнение» концепта, т. е. значение этого употребления.

Проиллюстрируем сказанное еще одним, смоделированным примером. Представим себе такую ситуацию. Небольшой авангардный отряд наступающих войск после кратковременного боя занял передовой пункт обороны противника, находящийся на краю города. В этой ситуации совершенно нормально сказать *Отряд* ***взял*** *передовой пункт обороны противника*. Изменим слегка ситуацию. Предположим, что это не авангардный отряд наступающих войск, а отряд партизан, сделавших очередной налет. В такой ситуации данная фраза становится некорректной. Можно сказать лишь *Отряд партизан* ***захватил*** *передовой пункт обороны противника*. Располагая концептом (3), «вычислить» эти употребления не составляет труда.

В самом деле, центральное утверждение концепта (3) таково: X начинает контролировать возможность посещать место Y, принадлежавшее Z-у, и получает возможность использовать место Y в своих целях, лишая этой возможности Z-а.

Действия авангардного отряда, захватившего передовой пункт противника, соответствуют этому условию: пункт остался в тылу отряда и может использоваться нужным образом. Действия отряда партизан не отвечают этому условию в полной мере, поскольку, получив возможность непосредственно использовать пункт про-

тивника (захватив его), они не могут его удерживать, т. е. контролировать доступ к нему и, стало быть, **возможность** его использования своими соотечественниками.

Другой пример «вычисления» значения. Чтобы получить возможность использовать Багдад по своему усмотрению, американцы должны занять и удерживать его (фраза 6.1), а Ивану, взявшему ложу, этого не требуется, т. к. она свободна, а право ее занимать (посещать) он приобрел (см. также разбор сходной ситуации в п. 2.2).

6.2. Фраза *Американцы взяли Багдад и передали его сунитам* указывает, что американцы получили возможность и право сильнейшего использовать территорию Ирака, но не воспользовались этим. Фраза *Американцы взяли Багдад в осаду* сообщает о другом: осуществив манипуляционное действие в отношении Багдада (окружив его), американцы ограничили доступ к Багдаду и получили возможность использовать это в своих целях. Сходным образом трактуется фраза *Американцы взяли Багдад под свою охрану.*

6.3. В статье [Розина 2003: 243—244] специальный раздел посвящен ситуациям, в которых Y — «участок пространства». При анализе выражений типа *взять село* справедливо отмечается, что они корректны «главным образом, потому что сопротивляются находящиеся там люди, ср. *взять высоту*, *крепость*, *город*, но **взять безлюдное село*». Соглашаясь в целом с этой трактовкой, заметим, что сопротивление людей явным образом проявляет инициативное действие A (специальное усилие X-а), без которого глагол *взять* неупотребим. Для глагола *занять* этого не требуется, ср. *занять безлюдное село*. Заметим, что фраза *Американцы взяли Багдад без боя* вовсе не означает, что американцы не предпринимали специальных усилий. Напротив, их усилия и заставили защитников Багдада сдаться без боя.

6.4. Фраза

6.3) *Маша взяла ванну*

указывает, что Маша получила возможность и право использовать ванную комнату в бане (‘купила билет в ванную комнату’). Эта фраза может трактоваться и более широко: ‘купила билет и приняла ванну’. Однако она не может трактоваться в значении фразы *Маша заняла ванну* (начала ее принимать), поскольку последняя а) сообщает, что Маша уже использует ванну, а не просто получила такую возможность, и б) допускает отсутствие у Маши контроля над ванной (права ее занимать). Очевидно, что, если Маша приняла ванну у себя в квартире, то употребить фразу 6.3) нельзя, поскольку получается, что Маша «взяла» то, что уже имела: не внешний ресурс (Z), а свой собственный, на который к тому же всегда имела право. Подчеркнем, что, беря ванну, Маша получает единоличный контроль над ней. Если, допустим, в бане есть общий бассейн, плохо сказать **Маша взяла бассейн*, поскольку возможность посещения бассейна в этом случае не обеспечена.

6.5. Обратимся теперь к примеру

6.4) *Собака взяла след волка*

и попытаемся понять, что здесь означает глагол *взяла* и почему близкая фраза **Охотник взял след волка* аномальна.

Для разъяснения вновь обратимся к концепту (3). Согласно ему эта фраза сообщает, что собака, обнаружив след, начала контролировать возможность своего «посещения» следа, т. е. возможность идти по нему на всем его протяжении. У человека-охотника, обнаружившего след волка, нет способностей собаки эффективно его использовать. След «не подвластен» охотнику, не обеспечивает ему тех возможностей, какие есть у собаки, что и обусловливает аномальность фразы **Охотник взял след волка*.

Эту трактовку можно подтвердить следующим примером. В одном криминальном телерепортаже диктор выразился так: «*К поимке этой банды были привлечены лучшие специалисты. И лишь через месяц они смогли* ***взять*** *ее след*». Это употребление не кажется сомнительным, поскольку из контекста ясно, что найденные улики («след») были эффективно использованы криминалистами и банда была поймана. Однако фраза типа *?Участковый милиционер взял след банды* по меньшей мере сомнительна, поскольку сомнительна способность милиционера по какому-то следу или улике выследить банду. Здесь референтная ситуация фразы, реконструируемая слушающим на основе своих знаний, не соответствует концепту (3).

Сходным образом, геологи, обнаружив залежи угля, не могут сказать *Мы взяли уголь*, поскольку и здесь обнаружение угля само по себе еще не расширяет возможности использовать уголь по своему усмотрению. Последняя фраза синонимична фразе *Мы добыли уголь* и возможна в ситуации, когда X осуществил действия, позволяющие ему непосредственно использовать уголь.

6.6. Перейдем к примерам спортивной тематики.

Представим себе, что футболист Стрельцов с ходу бьет по воротам соперника (здесь ворота Y — место) и забивает гол. Комментатор восклицает:

6.1) *Стрельцов берет ворота соперников!*

Изменим ситуацию: допустим, тот же Стрельцов, преследуемый соперниками, отпасовывает теперь уже своему вратарю, но неудачно, и мяч влетает в ворота. В этой ситуации комментатор никогда не скажет

6.2) **Стрельцов берет свои ворота*,

хотя гол засчитывается и в этом случае.

С помощью концепта (3) указанное различие легко объясняется: Стрельцов (X) осуществил контроль над воротами (Y) противника, ранее ему недоступный, получив к ним доступ посредством мяча, т. е. забив в них мяч. Тем самым он увеличил свои шансы победить «за счет шансов» соперника. Референтная ситуация фразы 6.2) подобной трактовки не допускает, поскольку, забив гол в свои ворота, Стрельцов не повышает, а понижает свои возможности победить соперника и не забирает его ресурс.

Рассмотрим фразу

6.3) *Валерий Брумель взял высоту 2 метра 27 сантиметров* (*взял планку, установленную на высоте 2 метра 27 сантиметров*).

Ее референтная ситуация получает такую трактовку: Брумель (X) перепрыгнул через планку (место Y), установленную на высоте 2 метра 27 сантиметров, (действие A) и осуществил тем самым свой контроль над ней («посетил ее» нужным ему образом). В результате он повысил свои возможности в соревновании с другими прыгунами, взяв часть общего ресурса, выделенного организаторами соревнования (Z) на всех участников. Подчеркнем, что дело не просто в том, что Брумель осуществил желаемую манипуляцию с планкой. Важно, что он соревнованием связан с другими прыгунами и общим ресурсом Z-а. Ведь если бы он на даче (вне соперничества) перепрыгнул через забор такой же высоты, фраза

6.4) **Валерий Брумель взял забор высотой 2 метра 27 сантиметров*

была бы некорректной. Она могла бы стать корректной лишь при использовании этого забора для соревнований по прыжкам в высоту. В отличие от нее, фраза *Валерий Брумель перепрыгнул через забор высотой 2 метра 27 сантиметров*, корректна в любой ситуации.

Заметим, что фраза **Боб Бимон взял длину 8 метров 90 сантиметров* некорректна, поскольку здесь нет Y-а — заранее проведенной черты, которую, подобно планке, нужно «посетить», чтобы получить ресурс Z-а. Вот если бы речь шла о квалификационных прыжках фиксированной длины, имеющих такую черту и обеспечивающих выход в финальную часть соревнований, эта фраза стала бы корректной.

В соответствии со сказанным выше, фраза *Иван успешно взял препятствие / барьер* (к примеру, преодолел яму с водой или перепрыгнул через барьер) корректна в рамках спортивных соревнований, но не в ситуации обыденной жизни, когда тот же Иван перебирается через подобную яму или, скажем, перепрыгивает через ограду. Если скалолазы осуществили трудное восхождение на вершину как туристы или исследователи, о них можно сказать *покорили вершину*, но не *взяли вершину*. Последнее выражение уместно только в ситуации, когда эта вершина входит в общий зачет их соревнований.

6.7. Может показаться, что фраза из МАС *По этому манежу коротким галопом скакала на своей Кубани Варя Белая. Она по очереди брала барьеры* (Степанов, Порт-Артур) является контрпримером к сказанному. В ней речь вполне может идти об отдыхе и развлечении. Варя Белая заехала в манеж и преодолевала барьеры ради удовольствия, ни с кем не соревнуясь и никого не стараясь опередить. Приведем еще один подобный пример из «Евгения Онегина»: *И Ленский пешкою ладью / Берет в рассеяньи свою*.

Однако эти употребления не являются контрпримерами, поскольку они не относятся к рассматриваемому типу. Дело в том, что здесь возникает метафора,

порожденная следующим «семантическим сдвигом»: действие «взятие своей фигуры» отождествляется на основе внешнего сходства с содержательно совершенно иным действием — «взятием фигуры противника» — и называется его именем. Аналогичный пример — метафорическое высказывание *Кукла идет*, отнесенное к марионеточной кукле, ноги которой «переступают по поверхности, не утрачивая контакта», ведомые невидимыми ниточками. В этих примерах метафоричность не так заметна, поскольку визуальный образ референта метафоры совершенно прежний. Стоит его изменить и приблизить к ситуации обыденной жизни, и метафоричность станет очевидной, ср. фразу *Ее лошадь легко брала барьеры из поваленных бурей деревьев.*

6.8. Переходя теперь от спортивной тематики к ситуациям обыденной жизни, заметим, что ряд примеров может относиться и к тем, и к другим. Например, идиома *X берет верх* (*Y*) *над Z-ом* может метафорически характеризовать как спортивные, так и житейские противоборства (подробнее о ней см. в п. 7.3). Показательно в рассматриваемом аспекте высказывание *Иван взял первое место*, которое может относиться и к спортивным состязаниям, и к различным конкурсам. Фраза **Иван взял последнее место* некорректна, поскольку здесь Y не несет никаких возможностей для Ивана. При этом фраза *X занял последнее место* вполне корректна.

7. Объект Y — время, процесс, действие, состояние (*взять командование* / *обещание*)

7.0. В случае, когда объект Y — время, процесс или действие, центральное свойство концепта (1а) — манипуляционный **контроль деятеля X над объектом Y** — проявляется в том, что **X в той или иной форме и степени влияет на его течение**. Это может проявляться двояко: с одной стороны, X может направлять течение Y-а (до полного управления им), а с другой — может ограничивать распространение, действие (до полного его подавления или сдерживания). Между этими крайностями возможны разнообразные промежуточные положения, когда Y ограничен или управляется X-ом лишь частично. Таким образом, имеем следующую конкретизацию концепта (1а):

(4) *X берет* / *взял Y* [*у Z-а* / *Z-а*] — Деятель X, благодаря целенаправленному действию A, 1) начинает **контролировать** (**направлять или ограничивать**) **течение** Y-а, принадлежавшего другому деятелю (или обществу) Z и прежде недоступного контролю X-а, вследствие чего 2) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать Y в своих целях, 3) за счет Z-а.

Специфика этого типа референтных ситуаций в том, что деятель X вовлекается в процесс, расширяя за счет Z-а свои возможности успешно действовать. Если же процесс Y не контролируется X-ом, выражение *взять Y* оказывается некорректным.

7.1. Мы уже наблюдали это в случае, когда Y — просто интервал времени. Корректность высказываний типа *Маша взяла отпуск* / *бюллетень* обусловлена тем, что в них Маша получает возможность контролировать и использовать для своих нужд время Y (отпуска, бюллетеня), принадлежавшее ее работе (начальству) Z и недоступное контролю Маши. Ср. некорректность высказывания **Маша взяла лишний рабочий день, чтобы побольше заработать*, в котором Маша не контролирует рабочее время Y, а, напротив, находится в подчиненном положении. При этом Маша расширяет другие свои возможности, но это описывается иначе: *Маша берет деньги за свою работу.*

Отдельно коснемся фразы **Маша взяла прогул*. Ее аномальность вызвана не тем, что Маша не контролировала время прогула Y. Напротив, она его контролировала, изъяв у начальства. Здесь дело в другом: Маша не предприняла никаких специальных действий для получения этого Y-а, а концепт (1) требует, чтобы X «осуществлял целенаправленные действия A» для получения контроля над Y-ом.

Аналогично, плохо сказать в пятницу вечером **Завтра беру выходной*, если суббота и так законный выходной день для X-а. Эта фраза уместна лишь при успешных хлопотах о внеурочном выходном дне, получение которого требует специальных усилий.

Другой вариант той же идеи, а именно: X не может брать то, что уже имеет, дает такой пример. Представим себе Робинзона Крузо, который каждодневно трудится на своем необитаемом острове. Решив денек отдохнуть, он не скажет себе **Возьму-ка я выходной день* (у себя брать нельзя). Скорее было бы сказано что-то вроде *Дам-ка я себе день отдыха*.

7.2. Перейдем к другим примерам. Во фразе

7.1) *Лейтенант берет командование ротой на себя*

лейтенант (X), благодаря целенаправленному действию A (хлопотал перед начальством, объявил роте в бою, после гибели командира), включается в процесс командования и контролирует (направляет) его, подчиняя себе роту. Представим теперь другую ситуацию: X-у дана возможность пойти служить в ту или иную роту, чтобы выбрать себе командира. Выбрав командира Z и уходя под его начало, X не может сказать **Я беру подчинение Z-а*, поскольку этот процесс он не контролирует. Аналогично, плохо сказать **взять себе командира* / *учителя* / *наставника* / *шефа*, **взять повиновение* / *послушание* / *учение*, и вполне нормально *взять себе подчиненного* / *послушника* / *ученика*, *взять власть* / *управление* (чем-то) / *обучение* (кого-то) / *шефство* (над чем-то).

Фраза *Иван берет слово для выступления* также указывает, что, изъяв у председательствующего (Z) контроль над временем и вниманием аудитории, Иван (X) получает возможность использовать выступление Y в своих целях.

Фраза *Роль подопытного кролика беру на себя*, казалось бы, не отвечает сформулированному правилу. Однако это противоречие мнимое, поскольку здесь речь идет не просто о подчинении, а о жертвенности X-а, что, естественно, возвышает его.

7.3. Отдельного внимания заслуживают случаи, когда объект Y — положение или состояние деятеля (обещание, вина, ответственность, сторона ⟨защиты⟩). В этом случае контроль над Y-ом выражается в способности X-а проявить свою волю в отношении Y-а, при его отстаивании, защите (вина, сторона) или реализации (обещание, обязательство).

Например, во фразах типа *X берет с кого-то* (*с Z-а*) *обещание* / *подписку о невыезде* контроль X-а над обещанием (подпиской) Y дает ему возможность дополнительного влияния на Z.

Выражение *брать слово назад* сообщает о том, что X возвращает себе свободу действий, утраченную им при даче слова.

Обратимся теперь к фразе *Иван берет перед коллективом повышенные обязательства*. Внешне она выглядит странно, поскольку описывает ситуацию, в которой Иван (X), напротив, дает коллективу некоторое обещание. Логично спросить, а что и у кого он тогда «берет»? Ответ таков: берет у начальства (Z) дополнительный авторитет, профессиональный (и личностный) статус. Брать обязательства уместно лишь в условиях соревнования с кем-то (и совершенно типично для соцсоревнования), когда есть третейский судья (Z), дающий поощрения. Если же такого судьи нет, то публичное выступление Ивана перед коллективом — это **обещание**. Вне соревнования, скажем, в семье, высказывание типа *?Муж взял перед женой обязательство помыть всю посуду* / *расчистить дорожки* звучит по меньшей мере странно, в отличие от фразы *Муж пообещал жене помыть всю посуду* / *расчистить дорожки.*

Аналогично трактуются выражения *брать поручение* и *брать на себя смелость*, а также выражения *взять грех на душу* / *вину на себя*, указывающие на готовность X-а нести моральную ответственность за совершенные им или кем-либо предосудительные поступки и действия.

В этом же ключе мы понимаем фразу *Иван взял ответственность на себя*. Здесь ответственность — это необходимость объясняться перед начальством (или кем-то другим) Z, ресурс которого используется в каком-то деле, которым Иван руководит. Получая контроль над взаимодействием с начальством по этому делу, т. е. ограничивая его давление, X расширяет свои возможности влиять на развитие упомянутого дела, в котором приобретает дополнительный вес. Заметим, что фраза становится аномальной, если Иван не руководитель дела, а мелкий его исполнитель.

В выражении *брать сторону Y-а* контроль X-а проявляется в ограничении давления на Y агрессивной стороны. Здесь также предполагается наличие третьей (высшей) инстанции Z, у которой X и «берет» Y, защищая и одновременно подчиняет его в данной сфере, усиливает свое влияние на него, ср. фразы *Хозяйка взяла сторону служанки*, *Старший брат взял сторону младшего*, *Комбат взял сторону сержанта* и *?Служанка взяла сторону хозяйки*, *?Младший брат взял сторону старшего*, *?Сержант взял сторону комбата.* В трех последних фразах лучше употребить выражение *стать на сторону*.

Можно предположить, что идиома *брать верх над Z-ом* исходно означала занятие X-ом пространственного положения Y (верх) над Z-ом, более выгодного в единоборстве или вообще символизирующего победу. Сейчас она указывает, что в борьбе с Z-ом X занял «выигрышное» положение Y, а Z оказался тем самым в невыгодном, «проигрышном» положении.

8. Объект Y — интеллектуальный продукт общества (*взять известный мотив*)

8.0. Еще один тип объекта, который полезно рассмотреть отдельно, — это хранящиеся в культурной памяти общества продукты культурной и научной деятельности его членов: музыкальные произведения, художественные тексты, научные теории и идеи, методы, средства и приемы творческой деятельности и пр.

Суть взятия X-ом такого Y-а (цитаты, музыкальной темы) в том, что X воспроизводит известный, принадлежащий обществу образец и использует его по своему усмотрению и в своих целях, эксплуатируя ресурс общества Z. С учетом сказанного, концепт (1а) для такого Y-а получает следующий вид:

(5) *X берет / взял Y* [*у Z-а / Z-а*] — Деятель X, благодаря целенаправленному действию A (созданию копии Y, вторичного воспроизведения известного образца) 1) начинает контролировать использование этой копии Y, оригинал которой принадлежит другому деятелю (или обществу) Z и был прежде недоступен X-у для использования, вследствие чего 2) получает непосредственную и беспрепятственную возможность использовать Y в своих целях, 3) за счет возможностей Z-а.

8.1. Фраза

8.1) *Корабль вышел в открытое море и взял курс на Бомбей*

указывает, что корабль (его капитан) X, благодаря действиям A (приказал установить штурвал нужным образом, следить за направлением движения и пр.) ориентировал корабль по данному курсу (направлению движения) Y, чтобы воспроизвести его и использовать тем самым возможности (знания и опыт) Z-а (сообщества мореплавателей) в своих целях. Имеем полное соответствие с концептом (5).

Подчеркнем, что, приняв данный курс, капитан осуществил над ним исключительно манипуляционное действие: не придумывал что-то свое, не изменял что-то существующее, а просто использовал уже апробированный курс. В самом деле, речь в 8.1) может идти только о каком-то проторенном и полезном курсе или направлении из ресурса общественного навигационного опыта. Поэтому и некорректны фразы типа **Корабль взял курс на неизвестный остров / на поиски Новой Земли*. При показательном или прогулочном полете самолет может часто менять курс, однако уместна здесь будет лишь фраза *Самолет взял курс на аэродром*. Аналогично объясняется и сомнительность фраз *?Кучер / таксист взял курс на*

вокзал (*в гостиницу*). Незначительность и очевидность подобных маршрутов не позволяет считать их значимым общественным ресурсом.

8.2. В лоно предыдущих рассуждений укладываются и выражения *взять известный сюжет для рассказа* / *старинную мелодию для своей импровизации* / *все лучшее из книги* и под. Тот факт, что и здесь Y уже существовал в некоем общественном хранилище Z-а и X просто заимствовал его оттуда, легко подтверждается. Фраза **Для своего прибора он взял совершенно новую идею* некорректна и требует другого глагола (*использовал*, *придумал*, *применил*), поскольку взять можно лишь что-то уже существующее, но не придуманное или созданное. Аналогично объясняется неправильность фразы **Для своего рассказа он взял специально придуманный сюжет*, которая устраняется употреблением глагола *использовал*.

Это же справедливо и для выражений *взять ноту* (*аккорд*). Нотный ряд — это классический результат теории музыки. Воспроизводя ноту, X использует этот ресурс общества в своих целях. Аналогично и для аккордов, ср. сомнительность фразы *?Он брал новые, им придуманные аккорды*.

Аналогично трактуются фразы *Петя, ты бы лучше брал пример со старшего брата!* и выражения *брать моду* / *привычку*, *брать за правило*. Все они указывают, что X расширяет свои возможности за счет известного внешнего ресурса Z-а.

Сходным образом трактуются выражения *брать Y на рассмотрение* / *на анализ* / *в работу* / *на проверку* / *в расчет* / *во внимание* и под.

9. Метафорические употребления

9.0. Метафорические употребления глагола *взять* обычно возникают, когда роли деятелей X и/или Z приписываются в референтной ситуации не одушевленным или обладающим волей субъектам, а просто проявляющим активность объектам (механизмам, явлениям природы, произведениям искусства, чувствам и пр.). Тем самым им в процессе актуального действия метафорически приписывается воля. Например, *Романс берет за сердце* [слушателя], *Его взяла оторопь*, *Годы берут свое*, *Ружье берет на триста метров*, *Отбойный молоток легко брал* (*крошил*) *мерзлый грунт* и пр.

9.1. Было бы неверно думать, что в этих высказываниях роль концепта и его свойств утрачивается. Например, может возникнуть впечатление, что в высказываниях *Отбойный молоток легко брал* (*крошил*) *мерзлый грунт* / *кирпичную стену*; *Смотри-ка, бензин берет* (*смывает*) *ржавчину*; *Уксус берет* (*разъедает*) *жемчуг* утрачивается свойство манипуляционности воздействия X-а на Y, поскольку в них Y (грунт, стена, жемчуг) разрушается. Думается, что это не совсем так. Дело в том, что во всех таких фразах Y фигурирует в функции материала, однородной структуры, поэтому его декомпозиция не является разрушением. Материал крошится, растворяется, но не уничтожается. Как только Y становится объектом со сложной структурой, подобные высказывания оказываются недопустимы, ср. **Отбойный молоток легко берет кирпичный дом*, **Уксус берет* (*разъедает*) *жемчужное ожe-*

релье. Нормально сказать *Пуля 45-го калибра пробивает* / *берет трехдюймовую доску* (здесь доска — материал), можно также: *Пуля 45-го калибра укладывает* (*убивает*) *льва*, но нельзя сказать **Пуля 45-го калибра берет льва*.

С учетом этого замечания мы получаем следующее: отбойный молоток (X), манипулируя Y-ом (грунтом, ржавчиной, жемчугом), подчиняет его своим целям. Иначе говоря, важная составляющая концепта сохраняется. Утрачивается лишь роль Z-а, что и понятно, ведь реально X не имеет собственных целей. Это же верно и для метафор типа «*Эрика*» *берет пять копий*, *Ружье берет на триста метров*.

9.2. Как мы уже отмечали, в качестве X-а могут выступать и такие активные сущности, как явления природы и время. *Зима берет свое* — зима (X) «подчиняет» природу (Z) (посредством льда и мороза), проявляя свою «волю». Аналогично, во фразе *Годы берут свое* годы «подчиняют» человека.

9.3. Выше, в п. 5.11 мы предложили следующую интерпретацию метафорической фразы 5.4) *Иван, возьми себя в руки*: X — главная (разумная) составляющая сознания Ивана, Z — эмоциональная, непосредственно реагирующая компонента его сознания, а Y — его поведение, подчиненное (принадлежащее) эмоциональной компоненте Z и недоступное рациональной составляющей X. Сходным образом объясняются и употребления типа *Романс берет за сердце*.

Данная трактовка вполне приложима и к примерам, в которых активной силой выступает чувство X-а. Например, во фразе *Тоска меня берет* чувство тоски (X) получает существенный, хотя и не полный контроль над Y-ом, за счет разумной составляющей Z, утрачивающей часть своего контроля над человеком. Эта интерпретация вполне соответствует концепту и позволяет, в частности, решить одну чисто практическую задачу — объяснить, какие чувства могут «брать» человека, а какие не могут.

Дело в том, что для одних чувств возможно сочетание: *берет тоска* / *страх* / *уныние* / *оторопь*, а для других — нет: **берет ликование* / *гнев* / *ужас* / *радость*. Можно предположить, что это различие обусловлено характером и степенью воздействия чувства на человека. Если воздействие не полное, но «утесняющее» альтернативную чувству разумную составляющую Z, то чувство может *брать*, поскольку интерпретация его воздействия на человека соответствует концепту. Если же воздействие полное, то соответствие концепту утрачивается (нет места Z-у) и чувство уже не *берет*, а *охватывает*, ср. *Его охватило ликование* / *гнев* / *ужас* / *радость* и **Его охватила тоска* / *страх* / *уныние* / *оторопь*. Некоторые чувства допускают обе трактовки: *Его охватило* (*взяло*) *сомнение*.

9.4. Отметим в заключение этого пункта, что концепт (1а) охватывает и метафорические фразеологические сочетания, приводимые в Словаре Ушакова в конце словарной статьи глагола: *брать в свои руки*, *брать в оборот*, *брать голыми руками*.

Сочетания типа *брать начало*, *брать красотой* не рассматриваются, поскольку выражают не актуальное действие, а свойство.

10. Анализ некорректных употреблений

10.0. В этом пункте собраны примеры некорректных употреблений из работ ряда исследователей и, прежде всего, из фундаментальной работы [Селиверстова 2004], к которой мы уже неоднократно обращались. Эти примеры — плод весьма тонких наблюдений над особенностями употребления глагола *взять*. И объяснения этих особенностей часто оказываются весьма нетривиальными. Однако они почти всегда носят частный характер и не позволяют увидеть общей картины.

Мы постараемся показать, что все они допускают единое объяснение посредством концепта.

10.1. В работе [Селиверстова 2004: 275] отмечается «недопустимость подстановки глагола *взять* вместо глаголов *требовать*, *потреблять* в следующих предложениях: *Строительство этого завода потребует больших затрат*; *Каждый человек потребляет в день около двух литров воды*». Указанная недопустимость обусловлена отсутствием свойства манипуляционности у действий «потребует затрат» и «потребление воды»: «затраты» предполагают преобразование денег в материалы, а «потребление» человеком воды — ее качественное изменение. При наличии у действия свойства манипуляционности мена глаголов вполне корректна: *Фирма затребовала* (*взяла*) *на строительство завода миллион рублей*, *Иван каждый день откачивает* (*берет*) *из колодца десять литров воды*.

10.2. Фраза *Каспаров выиграл у Карпова первую партию* не допускает использования глагола *взял*, хотя налицо основные свойства концепта (1а): Каспаров (X), осуществив действие А с шахматами (Y), увеличил свои шансы победить в матче Карпова (Z). Дело в том, что действие «выиграть партию» не является чисто манипуляционным. Перемещение фигур — вторичная его составляющая в сопоставлении с главной (и неманипуляционной) — мыслительной деятельностью. Можно сказать *взял слона* в шахматах, *взял* (*отразил*) *удар нападающего* в футболе, но даже во фразе *Каспаров отразил неожиданный удар Карпова на королевском фланге* нельзя употребить глагол *взял*: для отражения шахматного удара манипуляции фигурами — не главное.

10.3. Некорректность фразы **Он взял шляпу с гвоздя* объясняется в [Селиверстова 2004: 279] тем, что глагол *взять* не используется, если X-у требуется преодолеть сопротивление большее, чем сила тяжести Y-а. На наш взгляд, некорректность здесь вызвана присоединением к действию «взятия» соседних действий, что препятствует соотнесению с этим расширенным действием глагола *взять*. В самом деле, именная группа *с гвоздя* указывает, что речь идет не просто о действии «взять», а о последовательности действий: собственно «взять шляпу пальцами», «приподнять над гвоздем» и «переместить к себе». А целиком эту последовательность действий глагол *взять* обозначать не может, и кроме того есть глагол *снять*, в точности описывающий это совокупное действие. В то же время фраза *Он взял шляпу со спинки кресла* вполне корректна, поскольку здесь действие лишь немного шире: ‘взял и приблизил к себе’.

Там же некорректность фразы **Она взяла записку с пола* (нужно: *подняла*) и корректность фразы *Она взяла записку со стола* объясняется так: «глагол *взять* предполагает, что место, из которого перемещается Y, находится на уровне туловища X» (с. 279). И здесь причина некорректности в том, что глагол *взять* соотнесен со слишком сложным действием: «нагнуться, взять записку и поднять ее». В самом деле, если предположить, что X лежит на полу рядом с запиской, фраза *Она взяла записку с пола* станет корректной.

Вообще, следует сказать, что глагола *брать* / *взять* I допускает только один вид двусоставного референтного действия, а именно: а) собственно взятие Y-а и б) перемещение Y-а к себе (к берущему). Это и понятно, поскольку такое перемещение усиливает контроль X-а над Y-ом. Поэтому первый из приведенных в [Селиверстова 2004: 283] примеров (*Хочешь, я возьму к себе в рюкзак твой спальный мешок?*) вполне допустим, а два другие (**Возьми мне из ее чемодана полотенце* и **Возьми эту книгу в шкаф*) — нет. В них Y удаляется от берущего, что ослабляет контроль X-а над ним. Заметим, что и глагол *брать* возможен только в первой фразе. Ниже, в п. 12.3 анализируется значение *взять* II, реализующееся, в частности, во фразе ***Возьми** отсюда эту тумбу, она мешает проходу.* Сказанное исключает отнесение этого употребления к значению *взять* I, что подтверждается и недопустимостью его мены на *брать*.

Аналогично объясняется некорректность фразы **Преследователи взяли преступника в тюрьму* при полной корректности фразы *Преследователи взяли преступника в кольцо*. Первая фраза называет совокупность двух последовательных действий: преследователи а) «взяли (схватили) преступника» и б) «отправили (доставили) его в тюрьму». Из них только первое — законный референт глагола *взять*. Между тем именная группа *в тюрьму* указывает, что этот глагол приписан всему двусоставному действию. Правильной здесь будет фраза *Преследователи взяли преступника и доставили в тюрьму.*

Точно так же фраза *Скорая помощь взяла пострадавшего и отвезла в больницу* корректна, а фраза ?*Скорая помощь взяла пострадавшего в больницу* по меньшей мере сомнительна.

10.4. В [Селиверстова 2004: 266] отмечается, что глагол *взять* «чрезвычайно редко используется для описания включения свойства, качества, чувства и ощущения в число свойств, качеств, ощущений денотата подлежащего… Так, нельзя сказать: *Она берет теорию гранулярного пламени*; *Она взяла его точку зрения* (ср. *Она принимает теорию регулярного пламени*; *Она приняла его точку зрения*)». С этим трудно согласиться. Некорректность употреблений обусловлена тем, что они даны в контексте глагола *принимать* (*принять*), не содержащем признаков манипулирования Y-ом. Как только мы расширим контекст требуемым образом, фразы станут корректными: *Она берет теорию гранулярного пламени и разбивает ее в пух и прах*; *Она взяла его точку зрения и выдала за свою*.

Аналогичными причинами вызвана некорректность фразы **Я взял его предложение* (с. 269). Расширив контекст, получаем нормальную фразу *Я взял его*

предложение за основу. Там же указывается, что фраза *Он взял приглашение* не может быть понята в смысле ‘он принял приглашение’, поскольку глагол взять не употребляется со словами, «которые могут рассматриваться как условия, программирующие действия X». На наш взгляд, все проще: в данной фразе заведомо не может быть выражено расширение возможностей X-а (приглашаемого) за счет Z-а (приглашающего), поскольку, принимая приглашение, X находится в более слабой, подчиненной позиции.

10.5. Иногда для некорректной, казалось бы, фразы можно подобрать нетипичную референтную ситуацию, при которой она становится вполне приемлемой. В цитированной работе отмечается, что «предложение *Я взял врача* не соответствует языковой норме. Отбор допустимой сочетаемости, вероятно, связан с представлением о том, является ли X работодателем…» (с. 274). С этим объяснением можно согласиться, хотя оно носит частный и косвенный характер. Ощущение некорректности возникает, если слушающий, например обычный совслужащий, не представляет себе ситуации, в которой врач в каком-то плане может быть «подчинен» пациенту. Однако эта фраза вполне корректна, скажем, в устах партначальника, потребовавшего выделить ему врача на дачу, или в устах нового русского.

11. Концепт и частные значения

11.0. Вернемся теперь к проблеме описания многозначности, затронутой в самом начале статьи, и рассмотрим ее на конкретном примере. Приведем толкования пяти частных значений глагола *брать* из работы [Розина 2003: 236—238] (с минимальными модификациями примеров):

1-а. *Взять нож с прилавка*, *книгу с полки* = ‘Охватив предмет пальцами и ладонью одной или обеих рук, переместить его из какой-то точки пространства к себе’.

1-б. *Взять бутыль за горло*, *капитана левой рукой за грудь* = ‘Охватить пальцами и ладонью какую-то часть предмета, часть тела или деталь одежды человека’.

2. *Взять извозчика* = ‘Заплатив, получить возможность использовать’.

3. *Взять барьер* = ‘Двигаясь в каком-то направлении, преодолеть препятствие’.

4. *Взять прямо на улице*, *взять с постели* = ‘Воздействовав на человека силой или властью, ограничить его свободу’.

При чтении этих толкований неизбежно возникает поставленный в начале статьи вопрос: в чем проявляется их семантическое единство, принадлежность одному и тому же слову? Если закрыть примеры слева, создается впечатление, что они относятся к совершенно разным словам. Поскольку их автор проявил незаурядную проницательность и изощренность в анализе, остается предположить, что без концептуального значения, которым он не располагал, нельзя достичь требуемой семантической общности частных значений.

11.1. Из предшествующего изложения ясно, что частные значения должны формироваться не сами по себе, а как соответствующие конкретизации концептуального значения. Тогда они будут фиксировать типичные свойства именно референтных ситуаций глагола, а не ситуаций, лишь внешне на них похожих. Представим приведенные выше частные значения как конкретизации концепта (1а), и их семантическая общность станет очевидной.

11.2. Начнем с толкований 1-а и 1-б. Они фиксируют субъективно важное для человека различие между двумя вариантами «взятия» предмета Y: а) когда Y-ом (*книгой*, *ножом*) можно легко манипулировать, и б) когда такие манипуляции с Y-ом (*большая бутыль*, *капитан*) по-прежнему возможны, но связаны с затратой больших усилий. Это различие хорошо иллюстрируют приводимые Р. И. Розиной примеры: для а) *Левий ... молча и быстро взял с прилавка то, чего лучше и быть не может, — отточенный, как бритва, длинный хлебный нож, и тотчас кинулся из лавки вон* (Булгаков), и для б) *Брэнгвин взял капитана левой рукой за грудь, причем весь свитер собрался жгутом в кулаке, а правой рукой он уложил капитана на палубу...* (Пикуль).

В соответствии с концептом (2), описывающим перемещающийся предмет Y (см. п. 4), получаем такие формулировки.

(1а’) *X взял Y пальцами* (*в руки*) — X, осуществив некоторое целенаправленное действие с предметом Y (захватив его пальцами, руками), получил полный контроль над его перемещениями и возможность **легко** осуществлять с ним любые манипуляции, недоступные с этого момента никому другому (Z-у).

(1б’) *X взял Y пальцами* (*руками*) за P — X, осуществив некоторое целенаправленное действие с предметом Y (захватив его **часть** P пальцами, руками), получил полный контроль над его перемещениями и возможность, **затрачивая большие усилия**, осуществлять с ним любые манипуляции, недоступные с этого момента никому другому (Z-у).

Формулировка следующего значения очевидна:

(2’) *X взял Y такси* — X, осуществив некоторое целенаправленное действие A (договорившись с водителем и заплатив ему), получил контроль за его перемещениями и возможность ехать с ним в нужное ему место, лишив такой возможности других (Z-а).

11.3. Выше (см. п. 6.6) было показано, что выражения типа *взять барьер*, *высоту*, *препятствие* корректны только в условиях соперничества, когда есть внешний ресурс, принадлежащий Z-у (организаторам соревнования, конкурса), за который соревнующиеся ведут борьбу. В отсутствии такого Z-а эти выражения утрачивают корректность, ср. **взял ограду*, отнесенное к прыжку через ограду в обыденной жизни. Поскольку барьер, это место (неподвижный предмет Y), его «взятие» означает получение X-ом контролируемого доступа к месту Y, за который (доступ) X получает ресурс Z-а (судей или организаторов соревнования). Пользуясь концептом (3) для Y-а — места (см. п. 6), получаем:

(3’) *X взял барьер* — X, благодаря целенаправленному действию A (подбежал к барьеру), проконтролировал свой контакт с ним (перепрыгнув через барьер) и повысил свои возможности добиться победы, получив дополнительный ресурс Z-a (судей).

В референтных ситуациях высказываний *Деда взяли прямо на улице*, *Преследователи взяли преступника* Y (дед, преступник) совмещает в себе функции и Y-a (тело деда, преступника) и Z-a — его сознания, владеющего этим телом (см. п. 5.2 и описание 5.2а) фразы *Преследователь взяли преступника*). Следуя сказанному, получаем:

(4’) *X взял Y-a* (*Деда взяли прямо на улице*) — X, благодаря целенаправленному действию A (приблизился к Y-у), начал полностью контролировать перемещения Y-a (силой ограничив его свободу), и расширил свои возможности воздействовать на него, лишив тем самым его волю (Z) возможности им управлять.

11.4. Как мы видим, общее значение (концепт (1а)) позволяет придать семантическое единство весьма различным частным значениям 1-а, 1-б, 2, 3 и 4. Им же можно охватить и остальные 13 значений, выявленных Р. И. Розиной.

Этот пример дает, как нам кажется, основание ввести новое понятие — «элементарная лексема». Условимся называть элементарной лексемой — слово, взятое в одном из его общих, или концептуальных значений. Например, глагол *брать* имеет одно общее значение — один концепт (1а) и, следовательно, составляет одну элементарную лексему — пару *брать* — *брать* I, а глагол *взять* имеет два общих значения — два концепта: (1а) и (7) (см. п. 12.2) и, стало быть, образует две элементарные лексемы: пары *взять* — *взять* I и *взять* — *взять* II.

В настоящее время термин «лексема» используется в двух смыслах. Первый, традиционный смысл сформулирован, например, в [Зализняк 2002]: «будем считать, что каждая словарная статья словаря-источника отражает самостоятельную лексему и притом ровно одну. ⟨...⟩ Общее для всех словоформ данной лексемы собственно номинативное значение называется значением лексемы (разрядка автора. — *А. К.*» (с. 28). Второй смысл принят в работах Московской семантической школы (МСШ), см. [Апресян 2005]: «лексемой в МСШ называется слово, взятое в одном из имеющихся у него значений» (с. 4).

Введенная нами элементарная лексема является более дробной единицей словаря, чем традиционная лексема, но более общей, чем лексема в смысле МСШ. Например, традиционная лексема *взять* состоит из двух элементарных лексем *взять* I и *взять* II, а каждая из них, в свою очередь включает несколько лексем в смысле МСШ, (частные) значения которых она охватывает.

Назначение элементарной лексемы очевидно: будучи семантическим обобщением всех относящиеся к ней лексем в смысле МСШ, она удерживает семантическое единство слова.

12. Приложение.
О втором лексическом концепте *взять* II глагола *взять*

12.0. В отличие от бесприставочного глагола *брать*, имеющего только одно общее значение актуального действия (один лексический концепт) *брать* I, глагол *взять* имеет два лексических концепта. Кроме концепта *взять* I, указывающего на переход Y-а в стабильное, устойчивое положение, имеется еще концепт *взять* II, указывающий на переход Y-а в нестабильное, неустойчивое состояние или положение.

Если обратиться к словарной статье глагола *взять* из Словаря Ушакова, то можно заметить, что из четырех определенных в ней значений, два значения актуального действия не допускают мены глагола *взять* на глагол *брать*. Эти значения представлены примерами *Иван взял и сказал*, *А он возьми и ляпни* и *С чего это Иван взял, что Маша передумала? Откуда Иван взял, что Маша приедет?* Действительно, в значении актуального действия некорректно сказать **Иван берет и говорит* или **С чего это Иван берет, что Маша передумала?* Сходные употребления приводятся и в МАС: *Разве взять и поехать на Байкал?* (Чехов).

12.1. Как нам кажется, концепты *взять* I и *взять* II порождены двумя разными значениями приставки *вз*-, поэтому их следовало бы описывать как объединение значения основы (*н*)*ять* и этих значений приставки (подобно тому, как это сделано в [Кошелев 2004: 94—96]). Однако здесь нам достаточно будет лишь кратко очертить общее значение *вз*-II приставки, чтобы получить значение *взять* II и сопоставить его со значением *взять* I.

(6) *Вз*-II (*взварить*, *вскисать*, *взволновать*) — объект Y быстро (внезапно) перешел из постоянного, устойчивого, типичного состояния в неустойчивое, промежуточное, пограничное состояние или положение.

Примеры: *взварить* (‘довести варкой до кипения’), *вздремнуть* (слегка заснуть), *взбодрить* (*кнутом лошадь*, *рюмкой рассказчика* — сделать Y-а на некоторое время бодрее), *вскисать* (‘начинать киснуть, бродить’), *всплакнуть* (слегка и недолго поплакать), *взвизгнуть* — внезапно и коротко завизжать, *вспыхнуть* (*ярким огнем*), *вспугнуть*, *взбудоражить* — временно привести кого-то в состояние крайнего возбуждения, и др. Это же значение реализуется и в выражениях *вскружить голову*, *вздумать такое*, *взыграть*, *взбрести на ум* — на какое-то время сознание утрачивает адекватность. Ср., также *взбесить*, *взбутетенить*, *взбушевать*, *вздрючить*, *взмутить*, *взыграть*, *вскружить*; *взмокнуть*, *взмылить*, *взопреть*, *вспотеть*.

Концепт *вз*-II реализуется и в существительных *взморье* ‘прибрежная полоса’ (ни море, ни суша), *всполье* ‘окраина поля’, *взгорок* ‘небольшая возвышенность’, *вспышка*, *всполох* ‘переполох, суматоха’ (Словарь Ушакова), *всполохи* ‘яркие вспышки огня’, *быть на взводе* ‘быть в состоянии опьянения, возбуждения’ и др.

12.2. Опираясь на значение (6) получаем:

(7) *Взять* II *Y* — Деятель X, а) получил манипуляционный контроль над Y-ом и б) перевел Y в неустойчивое, пограничное, промежуточное состояние или положение.

Концепт (7) и реализуется в анализируемых примерах. Фразы *Иван взял и сказал*, *А он возьми и ляпни*, *Тут Иван взял и врезал ему что было силы* описывают ситуации, в которых X перевел себя в некоторое неустойчивое, вре́менное состояние, в котором и совершил указанные действия («ляпнул», «врезал»). Фраза *Иван взял себя в руки*, реализующая значение *взять* I, напротив, указывает на переход Ивана в устойчивое состояние, см. п. 5.11.

Подобную ситуацию описывают и фразы *С чего это Иван взял, что Маша передумала? Откуда Иван взял, что Маша приедет?*, указывающие, что Иван, вопреки здравому смыслу и фактам, пришел к неверному (и вре́менному) заключению. Сходные состояния X-а описываются глаголами *вздумал*, *вздурил*, *взбрело в голову*.

12.3. Есть еще несколько вариантов употреблений *взять* II, не отмеченных словарями. Во фразе *Возьми отсюда эту тумбу, она мешает проходу* X получил контроль над тумбой, но не для того, чтобы воспользоваться ею, а чтобы тут же удалить ее от себя. Тумба оказалась в положении «временной ненужности». Здесь глагол *бери* невозможен, но вполне уместен — *убери*. (Заметим, что данное употребление *возьми* не может иметь значение *взять* I. Анализировавшийся в п. 10.3 пример О. Н. Селиверстовой **Возьми эту книгу в шкаф* указывает, что это значение не охватывает ситуаций, когда X, имея контроль над Y-ом, удаляет его от себя).

Аналогично трактуется и фраза *Иван демонстративно взял руки за спину*. В данной ситуации Иван перемещает руки (Y) за спину, чтобы не пожимать протянутой ему руки. Ясно, что это «временное и пограничное» положение рук. И здесь плохо сказать **Иван демонстративно* ***берет*** *руки за спину*, но вполне уместно употребить глагол *убирает*, подчеркивающий перемещение рук подальше, в менее доступное место.

Различие общих значений *взять* I и *взять* II наглядно поясняют фразы *Возьми книгу с полки* (чтобы что-то делать с ней — стабильное положение книги) и *Возьми книгу отсюда* (чтобы тут же убрать куда-нибудь — нестабильное положение книги).

12.4. К данному типу относятся и выражения *взять в сторону* / *вправо* / *назад*, *взять на себя* (*дверь*, *шкаф*) и под., описывающие «уступительные» ситуации, связанные с просьбой или внешней необходимостью посторониться, отступить, освободить место. Фраза *Пропуская карету, кучер взял назад* сообщает о том, что кучер переместил свою бричку назад, вынужденно заняв неудобную, вре́менную позицию.

Заметим, что выражение **взять вперед* (‘подвинуться вперед’) некорректно, поскольку движение вперед, с одной стороны, не является уступительным, поэтому здесь нет места значению *взять* II, а с другой стороны, не содержит специальных

преодолевающих усилий, типа взять подъем, без которых неупотребимо *взять* I. В этом плане выражение **взять вперед* аналогично выражению **взять безлюдное село*, где тоже нет преодолевающих усилий.

Употребление глагола *брать* в «уступительных» ситуациях также сомнительно, ср. *?бери на себя*, *?бери назад*.

Следует особо подчеркнуть, что в других, «не уступительных» ситуациях, например, когда говорящий делает предложение X-у, дает ему совет или описывает порядок движения, картина резко меняется и такие выражения вполне допустимы, ср. *Бери на себя эту работу*, *Когда выйдешь из леса, бери вправо*, *Кучер берет вдоль забора налево* (МАС). В этих примерах реализуется уже концепт *брать* / *взять* I. Здесь со стороны X-а нет уступительности, он сам направляет свои действия, см анализ примера 8.1) *Корабль вышел в открытое море и* ***взял*** *курс на Бомбей*.

12.5. Итак, лексема *взять* имеет два лексических концепта: *взять* I (1а) и *взять* II (7) и, стало быть, распадается на две элементарных лексемы. Поэтому при описании ее частных значений следует строго различать их лексемную принадлежность, т. е. отнесенность к кому или другому концепту. Единство элементарных лексем, принадлежность к одной лексеме *взять* (в традиционном значении термина, см. п. 11.4) придает им общее значение основы (*н*)*ять*.

* * *

Выражаю благодарность М. Н. Григорян, В. Ю. Гусеву, С. А. Жигалкину, Анне А. Зализняк, М. И. Козлову, Г. Е. Крейдлину, Н. В. Перцову, Б. А. Успенскому и И. Б. Шатуновскому за обсуждение предварительных вариантов статьи и ценные замечания.

Литература

Словари

МАС — Словарь русского языка в четырех томах. М., 1985.

Словарь Даля — *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1989.

Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1938.

Апресян 1974/1995 — *Ю. Д. Апресян.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. 1-е изд. М., 1974.

Апресян 2005 — *Ю. Д. Апресян.* О московской семантической школе // Вопр. языкознания. 2005. № 1. С. 3—30.

Добрушина и др. 2001 — Е. Р. Добрушина, *Д. Пайар.* Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // *Е. Р. Добрушина*, *Е. А. Меллина*, *Д. Пайар*. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001. С. 11—254.

Зализняк 2002 — *А. А. Зализняк.* «Русское именное словоизменение» с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Кошелев 1999 — *А. Д. Кошелев.* Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола *ехать* // Сб. Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 41—52.

Кошелев 2004 — *А. Д. Кошелев.* О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопр. языкознания. 2004. № 4. С. 68—101.

Розина 2003 — *Р. И. Розина.* Динамическая модель семантики глагола *взять* // Русский язык сегодня. Вып. 2., М., 2003. С. 227—246.

Падучева 2004 — *Е. В. Падучева.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Селиверстова 1975/2004 — Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). М., 1975. 2-е изд. М., 2004.

Селиверстова 2004 — *О. Н. Селиверстова.* Труды по семантике. М., 2004.